

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

▪ Чтобы хорошо разбираться в поведении населения Северного Кавказа и правильно вести себя по отношению друг к другу, необходимо знать нормативную культуру горцев — особенности их общественной организации, правовых институтов и представлений. Как известно, кавказские горцы порой сильно отличаются друг от друга по происхождению, языку, нравам, этнической культуре и религиозным воззрениям. Их общественное развитие шло разными путями. Некоторые еще в раннее Средневековье образовали свои государства, у других роль государства выполняли кланы или союзы сельских общин. На востоке и западе региона существовали разные системы обычного, мусульманского и религиозного права. В то же время абсолютно всех горцев сближает горячая приверженность к своим кланам и местным обычаям. Клан на большинстве языков народов Кавказа называется тухумом. У чеченцев, ингушей и некоторых дагестанских народов он известен под именем тайпа. Обычай, а также обычное право повсюду на Кавказе именуется адатом. Этот термин заимствован из арабского языка в эпоху исламизации кавказских горцев. Существуют его синонимы в местных языках, например аварское баль [бать, букв. «борозда»], карачаевское тёре [закон].

Общие черты и местное своеобразие тухумной организации и адатного правосознания у горцев Дагестана, вайнахских и адыгских народов, осетин и тюркских народов Северного Кавказа, в определенной степени характеризует динамику изменения социо-нормативной культуры горцев под влиянием сначала дореволюционных, а затем советских преобразований. Среди многих отечественных этнографов до сих пор господствует представление о древности и неизменности горских традиций. Между тем, перемены, произошедшие на Северном Кавказе в XIX–XX вв., привели к существенному изменению этнографического облика народов Северного Кавказа, их традиционной правовой культуры. Наибольшему воздействию технического и в целом социально-экономического прогресса подвержен традиционный уклад жизни кабардинцев, осетин, карачаевцев и др.

С изменением условий жизни неизбежно менялись и местные традиции, обычное право и кланы. Сегодня они выполняют совсем другие общественные функции. Вместе с общественными институтами меняются и взгляды. Но для самих носителей этих взглядов местная традиция по-прежнему предстает чем-то незыблемым и вечным. Один из наиболее любопытнейших примеров

преобразования горских традиций под влиянием российских реформ — это традиционная клановая организация и обычно-правовые институты.

Итак, что же представляли собой тухумы и адат — эти «киты», на которых стояло горское общество и право накануне русского завоевания и глобальных государственных реформ, продлившихся на Северном Кавказе почти двести лет, с конца XVIII по конец XX в.

Клановая организация

Семья и тухум до российского завоевания

■ Тухум (иначе произносится тохум, джухум) на санскрите, как и в иранском, означает «семья», «сельская община». В этом значении слово «джухум» бытует у народов штата Ассам в Индии. Термин этот очень распространен в Нагорном Дагестане, куда был занесен в глубокой древности из персидского. То же слово употребляется кумыками, карачаевцами и балкарцами. Реже на Северном Кавказе встречается арабское слово «тейп», столь популярное ныне в России благодаря двум недавним российско-чеченским войнам и взрыву общественного интереса к Чечне. Тайпом, а также тухумом клан называют чеченцы и ингуши. В том же значении слово «тейп» используется аварцами, андоцезскими народами, лакцами и некоторыми другими народами Дагестана. Чеченский краевед XIX в. У. Лаудаев писал, что в основе понятия «тейп» лежит родственная связь между членами. По его словам, почеченски тайпан означает одну фамилию, т. е. род или племя.

У народов Северного Кавказа есть и иные наименования клана, частью местные, частью заимствованные из арабского и тюркских языков. Аварцы часто называют его тлибил, букв. «корень». У даргинцев тухум еще называется джине (от араб. «род»), у лакцев — сака, у лезгин и народов лезгинской группы — сихил, миресар. У кабардинцев и других адыгских народов клан называется тлепк.

Первые сведения о кавказских тухумах относятся к позднему Средневековью. Клань адыгов описал итальянский путешественник XV в. Дж. Интериано. Адаты аварских селений Гидатля в Нагорном Дагестане, составленные в XV–XVII в. и дошедшие до нас в копии XVIII в., донесли до нас генеалогию гидатлинских тухумов шамхалов. Подробные сведения о тухумной организации появились только в прошлом столетии. Классическое описание клана у джаро-белоканских аварцев Южного Азербайджана в середине XIX в. дал в краткой и точной характеристике И. О. Константинов. По его словам, тухум, или фамилия, заключал в себе не только всех близких и дальних родственников, но и тех, кто, выйдя из дальних мест, присоединились к тухуму, приняли его название и поселились на принадлежавшем ему участке земли. Единственное, чего недостает этому определению, — это то, что близкие и дальние родственники должны были происходить только по отцовской линии. Таким образом, тухум был строго патрилинейным, или агнатным, по теории

известного социолога XIX в. М. М. Ковалевского, если иметь в виду родственное ядро; но гетерогенным в целом, поскольку в число его членов могли входить принятые под его покровительство переселенцы.

На Северном Кавказе до русского завоевания сложилось два основных типа тухумов. Первый из них встречался только на Северо-Восточном Кавказе, в основном в Дагестане. Население каждого аула в Дагестане обычно состояло из нескольких небольших кланов-тухумов. Как правило (но не обязательно), их число было четным. Характерное описание тухумной организации, существовавшей в XIX в. в дагестанском с. Чох, оставил Омар Каранаилов. По его словам, со времен основания селения его жители разделялись на несколько тухумов. В прежние времена в ауле господствовал тот, чей тухум больше. Тухум во всякое время должен был помогать любому из своей среды. В случае драки убивали обыкновенно несколько человек, потому что с каждой стороны прибегали помогать однотухумцы. По полевым материалам этнографа начала XX в. Г. Ф. Чурсина, в Чохе было 6 родов, или фамилий: Бухас-Магомедовы (Магомед-Мамаловы), Нахибашевы, Шахназаровы, Пакаловы, Сульжилевы и Османовы. Аул управлялся представителями населяющих его родов, причем первые три рода, как многолюдные и сильные, давали по одному представителю каждый, а три последние — Пакаловы, Сульжиевы и Османовы, как малочисленные, все три имели одного представителя. Возможно, что последние три тухума образовались из одного крупного рода, разделившегося на три ветви.

Основной социальной ячейкой кланов в Дагестане была малая семья. Семьи объединялись в патрилинейные объединения-субкланы, или патронимии, а несколько патронимии уже составляли тухум. Причем тухумом часто называли и патронимию внутри клана, употребляя для обозначения последнего термин тлибил. В русской дореволюционной, а затем в советской литературе было распространено мнение, что в прошлом в Дагестане повсеместно господствовала большая семья или семейная община, к XIX в. распавшаяся на малые семьи. Однако дагестанские большие семьи так никогда никем и не были засвидетельствованы. Здесь мы имеем дело с укоренившимся ошибочным представлением, исходящим из априорного убеждения в том, что развитие всех народов от первобытности до нашего времени идет по одному проторенному пути — от первобытного рода к семейной общине, а от нее — к современной малой семье.

Семьи горцев Дагестана обычно включали в себя два поколения ближайших родственников — родителей и их неженатых детей. Сыновья выделялись сразу же после женитьбы и жили отдельно от родителей. «Если огонь рано зажечь, золы будет много», — говорит аварская пословица: рано отделишься, больше наживешь. Полагалось, чтобы отец построил каждому из них по дому. Это представление настолько укоренилось в сознании горцев, что понятие «жениться» в андийском и аварском языках передается словосочетанием «строить дом» (авар, ригин гьабизе). На этот обычай указывает и пословица: «Если родится сын — выстроится дом, если родится дочь —

разрушится дом». Отцовский дом и земли по адату наследовал младший сын. Ученик М. М. Ковалевского Б. В. Далгат отмечал, что родительский дом и все, что находилось в нем, наследовал младший сын, который с родителями и проживал. Вместе с непосредственными заботами о стареющих родителях ему перепала основная часть имущества. Один из любимых сюжетов народных песен горцев — заговор двух старших братьев против младшего, убийство ими младшего брата в пещере или ущелье и раздел между собой его имущества.

Среди таких баллад наиболее известна аварская под названием «Али, оставленный в ущелье». Содержание песни таково. Два старших брата заманивают младшего на ловлю соколят в горном ущелье, опускают его на канатах к гнезду и, отпустив канаты, бросают его там. Младший брат взывает: «Братья родные, дай вам Бог счастья! Мои пятьсот овец, — отцово наследство, — по пять отсчитаю и вам передам. Поле у аула — материно наследство, — веревкой вам отмерю — не оставляйте меня здесь!». Но старшие братья неумолимы: «Отцово наследство — пятьсот твоих овец — сами отсчитаем, а тебя оставим здесь. Перед аулом поле — материн надел — мы сами разделим, но не поднимем тебя». В конце песни Али погиб, сорвавшись со скалы, но ворон рассказал его матери и жене о братьях-злодеях, и их преступление было раскрыто.

Наряду с делением дагестанского тухума на малые семьи, у него была еще одна очень важная особенность. Дагестанцы предпочитали заключать браки между родственниками по отцовской линии, иначе говоря, их кланы были эндогамны. Обычаи эндогамии и деления тухумов на малые семьи отличают дагестанцев от других кавказских горцев. Это подметил еще Н. Львов, долго находившийся в плену у аварцев во время Кавказской войны XIX в. По его словам, если условия позволяли, аварцы заключали брачный союз (авар ригьин) между однотухумцами. Эта же черта наблюдалась и у других горцев Дагестана. По словам дагестанского историка XIX в. Гасана-эфенди Алкадари, в прошлом одной из целей в жизни для дагестанца было получить красивую жену из двоюродных сестер. Браки в пределах одного рода считались не обязательными, но предпочтительными. М. М. Ковалевский, на основании собранных в Нагорном Дагестане официальных данных, так охарактеризовал этот обычай, браки с родственницами признаются более почетными, и обязательство брать жен из собственного рода настолько строго соблюдается, что при невозможности найти подходящую для него невесту в собственном роде жених требует, чтобы избранная им чужеродная подверглась предварительно уочерению со стороны его рода, и затем уже вступает с нею в брак.

При этом браки вне своего клана обычно не считались каким-то табу или кровосмешением, как в случае нарушения экзогамии, но и не поощрялись. Многолюдные тухумы в дагестанских селениях встречались редко. В общине в 100–150 домов число кланов доходило иногда до шести и более. Кубачи конца XVIII в. имели 12 тухумов, в лезгинском с. Ахты середины XIX в. их было 40. При тысячелетнем господстве строгой тухумной эндогамии

эти маленькие кланы давно должны были выродиться. Однако этого не произошло. Кроме того, есть немало свидетельств о браках между членами конкретных тухумов одного селения. Главным условием таких союзов было равенство происхождения клана — из горской знати, свободных общинников, крепостных или рабов. Например, уже упоминавшийся Г. Ф. Чурсин сообщал, что все три тухума Согратля считаются равными по происхождению и вступают между собою в браки. Население аула Мугурух заключает в себе четыре тухума. Все четыре тухума считались равными по происхождению, и браки между членами различных родов не возбранялись. Мугурухцы вступали в брачные союзы и с другими родами.

Об отношении горцев к нарушению тухумной эндогамии хорошо говорит аварская народная песня. В ней девушка, вышедшая замуж за юношу из другого клана, оплакивает свою судьбу:

*Отцовский тухум (кьибил) в ссоре со мной,
Говорит, что я взялась за ветку дерева без корней,
Материнский тухум со мной во вражде,
Говорит, я испила воду из ручья без начала.*

Известный специалист по этнографии Нагорного Дагестана М. А. Агларов, приведя запись этой песни, обращает наше внимание на то, что в песне отец и мать девушки также принадлежат к разным тухумам.

Таким образом, межтухумные браки хотя и осуждались общественным мнением, но встречались в повседневной жизни.

Строже соблюдалась эндогамия внутри сельской общины. В подавляющем большинстве случаев, а иногда и всегда (например, в с. Кубачи) браки заключались только в пределах аула, общины. Если населенный пункт сам по себе еще не представлял собой общину, а был только его частью, то браки заключались свободно в пределах населенных пунктов, составлявших сельскую общину, т. е. круг эндогамии расширялся. Б. В. Далгат, известный знаток обычного права, отмечал, что даргинцы обыкновенно берут невесту в своем селении, хотя иногда берут и в чужом, но это считается стыдом. По адату, внеаульные браки считались преступлением против родной общины. Повинные в них наказывались крупными штрафами. Интересно привести одно старинное историческое предание из даргинского с. Хаджал-Махи. Оно говорит, что, когда после одной из кровопролитных войн в селении осталось намного меньше взрослых мужчин, чем незамужних женщин и девиц, то на народном собрании кто-то внес предложение разрешить выдавать хаджалмахинок в соседние селения. Однако седобородые старейшины с негодованием отвергли это предложение. Они били своими палками о землю и кричали: «Сами возьмем по семь жен, остальных тоже женим на скольких надо, но на чужих не разрешим!».

Совсем иначе выглядела тухумная организация у вайнахов и горских народов Северо-Западного Кавказа. Это были огромные фамилии, каждая из которых могла включать по несколько тысяч человек, селения которых могли быть разбросаны по огромной территории. Несколько десятков та-

ких фамилий составляли ядро народности. Они назывались по имени родоначальников или тех мест, в которых жили. Например, чеченские селения Парчхой и Юрт-аул еще в XIX в. относились к одному клану Парчхой, который, по народным преданиям, в XIV в. спустился из местности Нашха в Аккинских горах и обосновался в долине Терека. Выходцы из той же местности основали в междуречье Аксая и Ярыксу крупные аулы, называвшиеся каждый по имени своего тайпа — Беной, Курчалой, Цонтарой, Цечой или Кешен-аул и др. В высокогорье чеченские и ингушские кланы объединяли до десятка небольших селений. На равнине и в предгорьях им нередко принадлежали аулы в 200 и более дворов.

По словам У. Лаудаева, каждая фамилия называлась именем своего родоначальника, водворившего ее в Чечне, гордилась этим именем и охраняла фамильные интересы от ущерба со стороны других фамилий. Это были своего рода многочисленные мелкие республики, объединенные общим языком. Его современник Н. Ф. Грабовский отмечал, что тайп или фамилия у ингушей играли значительную роль, особенно если были многочисленными. Чем многолюднее род, тем он сильнее, поэтому большие роды обычно оказывали и большее влияние на общественные дела. Любой член такого тайпа был наиболее гарантирован, как в отношении покушений на свою собственность, так и личность. Украсть что-нибудь у члена сильной фамилии, убить или ранить его — значит нанести себе неминуемую гибель или, по меньшей мере, неприятность и беспокойство на очень продолжительное время, так как потерпевшие всегда стремились отомстить обидчику всеми силами.

Основную ячейку клана у чеченцев, ингушей, осетин, а также адыгских народов Западного Кавказа составляли не малые, а большие семьи, отмеченные здесь вплоть до XVIII — начала XX в. Кабардинцы называли большую семью бынышхуз. Она обычно состояла из 3–4 поколений горцев и включала в себя несколько десятков родственников по мужской (реже и по женской) линии. По наблюдению дореволюционного русского этнографа Н. Н. Харузина, у ингушей нередко можно было встретить семьи, в которых жило до десяти взрослых мужчин. Согласно материалам Б. В. Далгата, общее количество членов большой ингушской семьи доходило до 20–40 человек. Г. Ф. Чурсин описал в горах Южной Чечни типичную «патриархальную семейную общину», состоящую из 30–40 человек, живущих под одной крышей и составляющих одну хозяйственную и общественную единицу. Али — глава дома — ведал всеми мужскими работами. Хозяйка дома руководила хозяйственной деятельностью женских членов семьи — распределяла между ними работы, следила за их исполнением и проч. Большие семьи объединялись в патрилинейные общины родственников по отцовской линии, а те уже образовывали тайпы.

Члены большой семьи подчинялись неограниченной власти самого старшего и авторитетного родственника по мужской линии — патриарха. Кабардинская поговорка «В семье должен быть порядок» означает, что семья должна следовать установленным адатом семейным порядкам. Согласно одной из норм обычного права кабардинцев решение родителей —

закон. Записанный в 1847 г. у кабардинцев семейный адат отмечал: «Отец полновластен над своими детьми, и последние должны во всем повиноваться ему... Дети по закону Магомета и обряду (подразумевается адат) должны быть родителям покорны и послушны, сопротивление воле родителей — тяжкий грех, а по обряду стыд...» На практике это означало, что глава большой семьи мог единолично решать такие важные семейно-хозяйственные вопросы, как продажа и обмен скота, продажа и обмен рабов и крепостных, раздел семьи, заключение договоров и т. д. Только от решения патриарха зависело участие остальных членов семьи в этих операциях.

Большие семьи горцев Северного Кавказа, объединенные в кланы, были экзогамны. Обычное право строго запрещало молодым людям жениться и выходить замуж за членов кланов своего отца и матери. Экзогамия простиралась до седьмого поколения: браки между представителями восьмого поколения по линии как отца, так и матери не запрещались. Препятствием к браку считалось не только кровное, но молочное и искусственное родство. Если мальчик или девочка, не являющиеся родственниками, были выкормлены молоком одной матери, то обычай запрещал не только им, но и их детям вступать в брак. Не могли вступать между собой в брак члены семей, связанных узами аталычества (так назывался обряд усыновления и воспитания детей горской знати в домах зависимых от нее семей), побратимства, а также родства, установившегося с членами семей, в домах которых на время свадьбы останавливались жених и невеста. Нарушение клановой экзогамии считалось величайшим преступлением и строго наказывалось. У адыгов сохранились предания о том, что отца нарушителя этого запрета в старину бросали в глубокую яму и забрасывали камнями или навсегда изгоняли из общества.

Психологическая необходимость клана и большой семьи для горца во многом объясняется традициями внутриклановой поддержки и кооперации. Горцы привыкли к помощи родственников и соседей при выполнении различных хозяйственных работ, а также в случаях нужды и несчастья. Одним из первых русских авторов об этом обычае (адате) на примере аварцев рассказал Н. Львов. По его наблюдениям, некоторые работы, как, например, унавоживание полей, лушение и молотба кукурузы, стрижка овец, мытье и расчесывание шерсти, обмазывание глиной сакель, набрасывание на их крыши земли и т. п., исполнялись родственниками, соседями или знакомыми, которых приглашали на помощь (гой). В таких случаях устраивали более или менее роскошное угощение: с водкой, бузою и чабоу (традиционные алкогольные напитки), а иногда и с калмыцким чаем.

Г. Ф. Чурсин описал аварский гой или гъвай во время сенокоса. Таким же порядком соседи аварцев лакцы составляли «сборный плуг» (лак. марша) и распахивали свои нивы. При существовавшей в горах бедности населения далеко не все семьи горцев имели пару быков и плуг. Тричетыре хозяина объединялись, с тем, чтобы общими силами вспахать свои небольшие участки пахотной земли. Один давал одного быка, другой — другого, третий — плуг, чет-

вертый поставлял человеческую рабочую силу — пахаря. Пахали по очереди у каждого из участников «помочи», причем пахаря кормил хозяин нивы, которую он вспахивал. Вообще обычай взаимопомощи при запашке полей («супряги», «помочь» и проч.) издревле был широко распространен у кавказских народов. Не менее широким распространением пользуются у них и другие виды взаимной помощи. Аналогом аварского гъвай являются даргинская билкъа, кумыкская булкъа, лезгинский мел. У карачаевцев этот обычай назывался маммат, у осетин — зиу, у ингушей — белхи.

Кроме хозяйственной кооперации единство членов одного клана сплачивали родовые культы. У многих горцев Северного Кавказа сохранились языческие праздники, на которые собирались все члены клана. В конце XIX в. Б. В. Далгат отмечал, что у осетин, чеченцев и ингушей существуют патроны или боги-покровители, общие всему племени или отдельному обществу из нескольких семей и, наконец, боги покровители отдельных аулов или отдельных родов. Они называются эрдами или ердами, а у ингушей — ццу и дяла или «дэли», а также ерда. Особенно распространены были эти культы у абхазов и осетин. В Северной Осетии, по свидетельству А. М. Ладыженского, вплоть до начала XX в. у каждого клана было родовое святилище дзуар (родового духа-покровителя). Тут ежегодно справлялся храмовый праздник и устраивался родовой пир (кувд). Члены рода, переселившиеся в другое место, присылали своих представителей праздновать родовой кувд у дзуара. О родовых культах адыгов и карачаевцев пишут путешественники XV–XVII вв. У натухаевцев до XIX в. сохранялось почитание Хакусташа — покровителя клана, сельских работ и волов. Н. Дубровин отмечал, что зажиточные семейства и до сих пор посвящают одного из своих волов Хакусташу. Вол этот не употребляется ни в какую работу и носит название вола Хакусташа. Точно в таком же почете находится Тугуплоху у поколения нотахо, принадлежащего к натухажскому народу.

У народов Дагестана, большинство из которых стали мусульманами еще в VIII–XIV вв., чисто языческих родовых культов не сохранилось. Под влиянием ислама эти культы сменились почитанием мусульманских шейхов. Омар Каранаилов описал один такой культ, существовавший в XIX в. в Чохе. Чохский тухум Османов, по легенде, произошел от арабов, приехавших с Абу-Муслимом (легендарный герой-исламизатор Дагестана); поэтому в ураза-байраме, когда из мечети выносили значок и саблю, оставленные Абу-Муслимом, их нес кто-нибудь из тухума Османов; никто другой не смел взять эти реликвии. В большие праздники весь тухум собирался у мечети. В огромных общественных котлах варили мясо. К настоящему времени таких котлов уже не сохранилось. Но еще в 1927 г. Г. Ф. Чурсин видел в аварском с. Урада огромный общественный медный котел, вмещавший целого быка. В некоторых селениях для родовых празднеств служили большие дома, состоявшие из одного зала, который поражал своей величиной (до 100 кв. м и более при высоте часто более 4 м). Здесь справляли свадьбы и иные общественные и фамильно-родовые празднества и ритуалы. Такие здания сохранились в нескольких десятках горных селений Дагестана.

Материальные атрибуты клана

■ Кроме больших домов и общественных котлов на Северном Кавказе сохранились и другие материальные памятники существования горских тухумов. Среди них в глаза бросаются в первую очередь родовые башни. Наибольшее распространение они получили в Чечне, Ингушетии, Северной и отчасти Южной Осетии и в Сванетии. Осетины прежде называли эти постройки ганах. Впервые о родовых башнях у ингушей и чеченцев упоминают еще проходившие через их земли русские послы XVII в. Ф. Волконский и А. Хватов. А. Гаксгаузен описал родовые башни южных осетин. Дома зажиточных представляли собой четырехугольные каменные строения в два или три этажа, с выдающейся посредине башней с плоской земляной крышей. Дом окружали высокой стеной с небольшими караульными башнями (по углам), на которые взбирались по приставным лестницам. Путешественник второй половины XVIII в. Я. Рейнеггс приводит еще более выразительное описание осетинской родовой башни. По его словам, вожди и знатные люди этого народа обносили свои жилища высокой, крепкой каменной стеной, в каждом углу которой находились длинные, выдающиеся наружу, острые колья или частокол, на которых висели лошадиные головы и другие кости животных; за этим частоколом и между кольями были положены в аршин вышиной камни, чтобы можно было немедленно воспользоваться ими при внезапном нападении.

По словам З. Ванети, у ингушей и осетин кланы имели родовые башни-крепости, куда они укрывались в моменты борьбы с другими родами. Существовала распространенная поговорка: «Человек при жизни должен иметь родовую башню, а после смерти родовой склеп». У знатных кланов порой бывало по нескольку башен. Еще в конце XIX в. ингушские фамилии Эгиевых, Таргимхоевых и Хамхоевых в своем прошении наместнику на Кавказе доказывали свою знатность и право на обладание обширными территориями тем, что их предками на этих участках были построены 15 башен под названием Кхя-Кале, т. е. «трехбашенные». Семьи, принадлежавшие к роду, не владевшему башней, чувствовали себя беззащитными. Старинная ингушская пословица гласит: «Холод тому, кто далеко от башни отходит, тепло тому, кто у башни сидит», а осетинская: «И тень от своей башни греет».

Некоторые башни служили клану только во время войн и междоусобиц. Другие использовались как жилые постройки. Они состояли из трех и более этажей. В верхних запирали женщин, домашний скарб, в нижней — скот. Второй этаж был жилым. Нередко его занимала одна большая семья. Горцы продолжали строить башни вплоть до 1-й половины XVIII в. К этому времени у каждого из горских народов выработались свои каноны башенной архитектуры. Самыми высокими из них были ингушские башни. Они достигали в высоту 25–26 м и включали пять или шесть этажей, средние из которых использовались для жилья. В горах Ингушетии до сих пор сохранились целые башенные комплексы: Эрзи, Таргим, Эгикал и др. Боевые баш-

ни имелись также у аварцев, андийских и цезских народов Нагорного Дагестана. Аналог большесемейных башен наряду с каменными башнями, замками представляли монументальные деревянные сооружения карачаевцев Балкарии, Чегема и верховьев Кубани, которые назывались постройками с крытым двором (карач. башы джабылган арбаз или просто арбаз). Это жилые дома с сараями для скота и подсобными помещениями, расположенные вокруг огромного крытого двора. В этих деревянных крепостях проживало до 7—9 семей рода. Крепостные крестьяне селились вокруг, а патриархальные рабы жили внутри этих сооружений. Над двором устраивали пологую двускатную земляную крышу со световыми окнами. Арбаз имел один вход и мог играть роль родовой крепости. Стены его сооружали из толстых бревен. Вход закрывался массивной двойной дверью. Крытый двор использовали для содержания скота, хранения дров и сена. Здесь же собирались во время семейных праздников. Строить их прекратили в середине XIX в.

В ряде равнинных и горных районов Северного Кавказа до XIX в. встречались другие материальные атрибуты больших и малых кланов. Это родовые кварталы, заселенные членами одного тухума. У карачаевцев такие кварталы носили имя тийре. Вокруг каждого из них располагались пашни и покосы, находившиеся в подворном владении принадлежавших к клану больших семей. У некоторых тийре были также свои родовые мечети и кладбища. В Тийре разделялось на владельческий поселок (кабак), поселки вассалов и подвластного населения. По устным преданиям, большинство горных дагестанских селений тоже делились на однотухумные кварталы. Границами кварталов служили улицы селения. Центром общественной жизни традиционно служили квартальные и соборная мечети с площадью (годекан, гим) перед ними. Здесь регулярно собирались сходы кварталов, отмечали семейные праздники. Старики проводили тут большую часть дня. В Нагорном Дагестане известны и тухумные кладбища. Некоторые крупные селения имели столько же кладбищ, сколько родовых кварталов. Так, в с. Шиназ их было 13, в с. Кубачи — 12. Родовые башни, кварталы, земли и кладбища служили своего рода материальными символами, в которых овеществлялось достоинство и знатность каждого клана. На Западном Кавказе кланы имели также свои родовые знаки — тамга. Тамгой метили лошадей и крупный рогатый скот, изображали ее на надгробиях и стенах домов членов клана.

Кланы в традиционной сословной иерархии

■ Социальная градация горского общества одновременно была его тухумной градацией. Общественное положение человека определялось тем, к какому клану (роду) он принадлежал. Правильно заметив эту особенность горского общества, многие дореволюционные авторы чрезмерно преувеличивали первобытность и эгалитарность кланового и общественного устройства горцев. Ученые, начиная с С. Броневского, рисовали себе сель-

ские общины дагестанских горцев или западных адыгов как патриархальные «демократические республики». Это ошибочное представление, к сожалению, довольно распространено и среди современных российских историков и этнографов, пишущих о «военной демократии» на Северном Кавказе до его русского завоевания (см., например, работы М. М. Блиева). Более пристальное изучение горского общества обнаружило, что оно представляло собой сложную иерархию сословий.

Интересно отметить, что, по представлениям горцев, семья и клан служили прообразом всякой власти. Недаром в кавказских языках названия высших сословий сближаются с понятием рода, клана. Так, кабардинский термин *лакбуэльэц* [тлелотлеш], обозначающий дворянина, произведен от слова *лакьуэ* («род», «происхождение») и *лэц* («сильный», «могущественный»). Сходной этимологией обладают осетинский термин *алдар*, сванский *варгал*, использовавшиеся для наименования верхушки горского общества. Для сравнения укажем, что наименование одного из высших сословий средневековой Грузии — *азнауры* — произведено от слова *ази* («род»).

Наиболее сложным и запутанным было сословное деление на Северо-Западном Кавказе. Оно включало четыре основных общественных слоя: князей, дворян, крестьян и рабов. Самый полный вариант сословной иерархии мы находим в Кабарде и Карачае. На самом верху сословной иерархии стояли князья-пши (пщы), у второго бий, ысхылты. Наиболее знатными в Кабарде считались княжеские кланы Атажукиных, Мисостовых, Кайтукиных, Бекмурзиных, Ге-лестановых и Таусултановых. В их фамилии недаром вошли тюркские титулы, указывающие на высшее социальное положение, — бек, мирза, ата. В Карачае к биям относились Крымшамхаловы, Мударовы, Дудовы, Карабашевы, Урусбиевы и др. Слой лиц, принадлежавшей в прошлом к князьям, рожденных от князя и женщины некняжеского сословия считался подкняжеским сословием. В Карачае оно разделялось на чанкала и тумачанкала, в Кабарде — тумачанкала. В Карачае существовало также сословие эсеккуэльтут, или тумы, которые происходили из княжеско-крестьянского смешения.

На сходе князей Кабарды вплоть до XVIII в. избирался главный князь — самый старший из них по возрасту и наиболее способный к управлению обществом. Согласно обычному праву в пределах своего княжества он являлся верховным земельным собственником и обладал высшей политической властью. В «Записке о привилегированных сословиях Кабардинского округа», составленной уже при российской администрации в 1862 г., отмечалось, что «управление Кабардой как по внешним, так и по внутренним делам, равно и предводительствование вооруженными силами, исключительно принадлежало княжескому сословию, которое, кроме сего, пользовалось правом возведения лиц свободного состояния в достоинство зависимого от себя ворка подарками им земельных участков и разрешением селиться особыми аулами». В позднее Средневековье князья Большой Кабарды смогли распространить свою власть на большую часть Северного Кавказа.

Вассалами кабардинских князей были кланы тлелотлешей и дыжиниги (кабард. дыжьыныгуэ). Это было высшее горское дворянство. В докумен-

тах XVIII в. они известны под названием «лутчих», «старших» и «знатных узденей». В Карачае же первостепенные уздени (сырма-ёзденле) трех рядов: уллуздени, сараймауздени и кертиуздени обладали большими правами, правда, некоторые сарайма-уздени находились в такой же зависимости от своих князей. Низшее горское дворянство включало кланы беслан-урков (кабард. бесльэн уэркъ — «урки Беслана»), уорк-шаотлугусов (кабард. уэркъ шауэ лыгыгусэ — «мужчина, сопровождающий уорка») и пшикеу (кабард. пщыкIэу — «княжеская ограда»). Уорк-шаотлугусы являлись вассалами вассалов князей. Внизу сословной лестницы горского дворянства находились кланы пшикеу, исполнявшие при князе функции полицейских и судебных исполнителей. Они составляли личную охрану князя, взыскивали в его пользу штрафы, следили за порядком в его владениях и наказывали преступников. Карачаевские керти-уздени составляли среднее дворянское звено, тогда как карауздени, тёбен-уздени, каракиши были в таком же положении как беслан-цорки, шаотлугусы и пшикеу у кабардинцев.

Ниже князей и дворян в адыгском обществе стояли кланы крестьян, представленные целым рядом сословий. Крестьяне-общинники образовывали в Кабарде сословие тлхукотлей (или тфокотли — «неблагородные»). Часть из них, как и карачаевские сыйсыз-уздени («непочетные», «незнатные» уздени), была лично свободна, другие находились в крепостной зависимости от князей и дворян. Выделялась также отдельная категория крепостных крестьян (кабард. пщыл [пшитли] — «княжи»), известных в Карачае как юлгюлю-кул, включавших оброчных огов (кабард. луэгу — «дворовые») и «обрядных холопов» лагунаутов (или лагунапутов, кабард. лэгъунэлут). В Карачае эта категория крепостных называлась джоллу-кул. Согласно адату повинность последних имела вид барщины. Если князь или дворянин отпускал на свободу своего крепостного, то тот назывался азатом (от ср.-перс. азат — «свободный»). Как правило, при этом брался выкуп, нередко составлявший все имущество, которым пользовалась семья бывшего крепостного. Клань азатов образовывали еще одно сословие средневековых карачаевского (азат-кул) и кабардинского (Iзээт) обществ.

В самом низу сословной и социальной лестницы стояли «безобрядные холопы» или домашние рабы унауты (кабард), чьи права не гарантировались адатом («обрядом»). Унауты и джолсыз-кулы (карач.) считались полной собственностью хозяина, жили при нем, не имели права на семью, продавались, передавались по наследству и отдавались в счет долгов и платежей. Для женщин-унауток и карадашей (карач.) признавалось только простое сожительство с крестьянином с разрешения хозяина. В адатах кабардинцев было записано: «Служанка или унаут, всегда остающаяся при господине, если избрет себе крестьянина (его именуют коренитель, т. е. ненастоящий муж) и господин на то согласится, то принимает как жена мужа; рожденные от них дети принадлежат одному господину, и мнимый муж не может их присвоить себе, а детей вправе дарить, продавать и разбивать врозь, всех дочерей он может иметь у себя унаутом, т. е. служанками, а сыновей

лигавами, т. е. прислужниками». Другая обычно-правовая норма гласила: «Всякий уздень волен холопку отдать мужчине, ему принадлежащему, кому заблагорассудится с тем, чтобы прижитые дети принадлежали ему, узденю». О браках мужчин-унаутов существовал иной адат: «Мужчина-унаут, достигший совершеннолетия, имеет право требовать от владельца покупки ему жены логонаут; при таком браке он и его дети обращаются в обрядных логонаут» (подразумеваются описанные выше холопы лагунауты).

Отношения князей с дворянством и другими сословиями горского общества строились по принципу т. н. уорктына и ёзденлика («узденской дани» или «дворянских подарков»). При помощи этого образовывалась длинная иерархическая лестница, связывавшая большинство сословий горского общества. За военную службу князь «дарил» землю с прикрепленными к ней крепостными своему вассалу. Тот в свою очередь также за службу предоставлял часть земли в виде той же дани своему вассалу. Последний передавал свою землю крестьянским кланам на правах общинного землепользования и с условием несения оброчных или барщинных повинностей. Одновременно с дворянином князь уступал часть земель другому своему вассалу – низшему дворянину, а тот передавал ее своим крестьянам. «Подарки» князей дворянам-узденям должны были периодически возобновляться. Причем, согласно кабардинскому адату, дарящий мог ни в чем отказать своим вассалам-дворянам. Порой они принимали такую преувеличенную форму, что, как свидетельствовали очевидцы, если уздень увидит у владельца деньги, хорошее платье, шапку или другое, что ему понравится, владеец не мог и не должен был ему отказывать.

Устанавливая отношения вассалитета между сословиями, обычное право кабардинцев запрещало браки между ними. Согласно статье 11 Древних кабардинских обрядов, князья могли жениться только на княжеских дочерях, уздени на узденских, вольные на вольных, холопы на холопках. Рожденные от неравных браков лишались отцовских сословно-имущественных прав. Сын князя и дочери дворянина-узденя или зависимого крестьянина не считался князем. Он назывался тума и занимал в сословной иерархии место выше тлелотлеша, но ниже пши. Для приобретения тумой отцовских сословных прав по нормам обычного права требовалось согласие не только самого отца-князя, но и всех членов его клана. Адат не запрещал браков между представителями мусульманских народов Северного Кавказа, но требовал при этом, чтобы социальное положение жениха и невесты было равным. Так, кабардинские князья и уздени нередко вступали в брак с представителями княжеских и дворянских кланов балкарцев, карачаевцев, ногайцев, осетин, кумыков и других кавказских горцев, но воздерживались от брака, например, с абазинами, считавшимися ниже их по рождению.

Сословное деление народов Дагестана, осетин и вайнахов было проще. Наверху сословной иерархии тут стояли князья и дворяне: ханы и беки, но лишь там, где таковые имелись. В позднее Средневековье предгорья и равнина Дагестана и Чечни находились под властью дагестанских ханов. Самыми древними и знатными ханскими родами здесь были кланы шам-

халов Казикумухских (позднее Тарковских), нуцалов Аварских, уцмиев Кайтагских, кадиев и майсумов Табасаранских, эмиров Дербентских и ханов Кюринских. Все они возводили себя к потомкам (араб, сеид) пророка Мухаммеда, пришедшим на Кавказ с Абу-Муслимом, который, по легенде, обратил в ислам дагестанцев еще в VIII в. Сохранились генеалогии этих кланов, записанные на арабском и тюркском языках в XV–XIX вв. Но сами титулы шамхалов, нуцалов, уцмиев и майсумов появляются в XIV в. и, по предположениям современных лингвистов, имеют тюркское происхождение. Тогда же были сочинены и фиктивные генеалогии, обосновывающие права дагестанских князей родством с первыми арабскими завоевателями Дагестана.

Наиболее могущественным из дагестанских князей были шамхалы. Как и кабардинские князья, они возглавляли ополчения горцев. В эпоху могущества шамхалов в XV–XVI вв. они возглавляли ополчения горцев, доходившие до 100 тыс. человек. Другие ханы и беки, а также сельские общины (от арабск. джамаат) Нагорного Дагестана платили им ежегодную дань. В пору наибольшего могущества Казикумухского шамхальства родственники и клиенты шамхалов проникли в ряд высокогорных джамаатов. От них ведут свое начало бекские тухумы шамхалов, до сих пор встречающихся в аварских аулах Гидатля, у лакцев, андийцев, ботлихцев, чамалал, багулал, хваршин и других народов Нагорного Дагестана.

Беки (или беги) занимали следующую ступень сословной иерархии. Этот тюркский термин появился на Кавказе в раннем средневековье (ср. хазарск. пех). Так называли дворян, находившихся в вассальной зависимости от ханов. По мнению М. М. Ковалевского, кавказские беки происходили от служилого сословия. Их отношения к князьям исчерпывались выступлениями в составе горского ополчения в военное время. Кумыкским бекам платили дань чеченские тайпы. Некоторые бекские кланы имели знатное происхождение. Они возводили себя к Гиреям, династии крымских ханов, которые с XV в. участвовали в завоевании и исламизации Северного Кавказа. Г. Ф. Чурсин записал в аварском с. Согратль следующую генеалогию. По его словам, в Согратле было всего три тухума, или рода: «Тадилал, Гашиманал и Келеб. Все они считались выходцами из Крыма. Про Абу-Хасана, родоначальника тухума Тадиля («Верхний» от авар. тIад — «над»), рассказывали, что, будучи вынужден уйти из Крыма, он прибыл в Дагестан и основался сначала в Харкасе, откуда был вытеснен своими же единоплеменниками. Отсюда Абу-Хасан бежал в сел. Кулу в Казикумухе. За совершенное им там убийство Абу-Хасан был выселен, перебрался в Андалял и основал аул Согратль.

У осетин бекскому сословию соответствовали кланы стыр или тыхджын мыггаг (осет. «большой, сильный род»). По материалам, собранным осетинским поэтом Костой Хетагуровым, члены такой фамилии, будучи более обеспечены материально, одевались чище и богаче, располагали лучшим вооружением, пользовались в народе почетом. К ним обращались за советом, приглашали судить и примирять враждующих. Поручительство их было надежно, покровительство прочно, ссориться с ними было опасно. Им принадлежали лучшие нивы, леса, луга и пастбища.

Как уже отмечалось, обычное право запрещало браки между сословиями. Потомки от неравных браков ханов и беков (с узденками, раятками и т. п.) считались ниже беков по своему общественному положению. Их называли чанки (или джанки). По достижении совершеннолетия чанка получал незначительную долю из отцовского имения, выделялся из родительского дома и уже больше не мог претендовать на наследство от отца, так как не считался членом этой семьи. Через несколько поколений его происхождение забывалось, и он сливался с остальным свободным населением. С распространением в XV–XVII вв. власти казикумухских шамхалов на земли Нагорного Дагестана, а кумыкских беков на Чечню чанки добились власти во многих сельских общинах горцев. Многие селения в Дагестане, например Тилитль, Гонода, Ругуджа, произошли из переселенческих хуторов, выросших на землях, пожалованных чанкам шамхалами.

Основное население Нагорного Дагестана, Чечни и Ингушетии было представлено кланами свободных общинников, носивших здесь имя узденей. Узденями называло себя вообще все свободное население Дагестана, как западной нагорной его части, не входившей в состав каких-либо политических организаций с единодержавным характером правления, так равно и население ханств и других владений, не состоявшее в обязательных отношениях к высшим сословиям. Уздени делились на богатых, средних и бедных; родовую знать и менее родовитых, коренных и пришлых и т. д. Все уздени участвовали в народном собрании общины, служили в ополчении своих джамаатов. Выборные от каждого узденского тухума образовывали совет старейшин или правителей (араб, руаса¹, авар. члүхлби), управлявший сельской общиной или «сельским обществом».

Общины нередко объединялись в военно-политические союзы. Аварцы называли эти конфедерации бо (букв, «войско»), даргинцы — хураво. Русские дореволюционные авторы дали им название «вольных обществ». Войско конфедераций включало в себя боеспособных мужчин всех тухумов. Этим войском, равно как делами аула, руководили тухумные старшины. «Вольные общества» возникли первоначально для обороны от воинственных соседей или совместных нападений на них. В позднее Средневековье они уже не были механическим объединением ополчений общин. Каждая такая конфедерация обладала единым выборным правительством из представителей (гқдилал) входящих в нее джамаатов, общим кодексом законов, закрепленным в записанных на арабском языке адатах, единым хозяйственно-культурным организмом и нередко общим «войсковым» (авар. болмацI) языком. «Вольные общества» положили начало целому ряду народов и этнических групп Северо-Восточного Кавказа, таких, как даргинцы, андийцы, багулалы, чамалалы, тиндинцы, дидойцы, бежтины, хваршины, и проч.

Между узденями и кланами чанков издавна велась борьба не на жизнь, а на смерть за право управления сельской общиной. К концу XVIII в. перевес в ней оказался на стороне узденей. В целом ряде сельских общин принимаются адаты, поставившие чанков вне закона. В Андалале был следующий адат: «Если житель Андалальских аулов во время выхода по трево-

ге убьет бека, то следует со всего общества в пользу убийцы ежегодно десять овец и сто мерок зерна». Нельзя было вступать в брак с беками: «Если кто-нибудь выдаст свою родственницу замуж за бека или женится на них, то с него взимается штраф — триста баранов». Нельзя было продать недвижимость лицам бекского происхождения: «Если один из нас передаст беку путем продажи или другой сделки дом или иное недвижимое имущество, то с него взимается штраф — триста баранов, а имущество переходит в распоряжение общества». Нельзя было принимать от беков какую-либо плату за услуги и соответственно оказывать их бекам. Наконец, бекам было отказано даже в святой святых для горцев Кавказа — гостеприимстве и пище — «Если один из нас даст ему пищи или одолжит ему что-либо, то с него взимается один бык».

Предпоследнее место в сословной иерархии занимали семьи крепостных райятов, прикрепленные к землям беков и служилых узденей. Райятами в Дагестане называли зависимых поселян, получивших от своих владельцев постоянные наделы. Они были лично свободными, но обложены разными повинностями, как денежными и натуральными, так и личными. Наибольшего распространения райяты получили в Табасаране, где встречались целые райятские селения. Клань райятов обычно не имели права называться тухумами. Статус тухума здесь, а также в Дербенте имели только феодальные фамилии. Поручик Сотников, составивший в середине XIX в. обстоятельную справку о тухумах в Табасаране, отмечал, что у райятов Табасарана тухумы не имели никакого влияния на общественное управление, там все зависело от бека. По местному адату табасаранские беки не только управляли, но и судили райятов, взимая в свою пользу штрафы за совершенные ими проступки. В Осетии близкое к райятам положение занимали семьи фарсагов (осет. «находящиеся сбоку, действующие заодно») и кавдасаров. В горах Чечни, Ингушетии и Северного Дагестана райяты практически не встречались.

В самом низу сословной иерархии здесь, как и по всему Кавказу, стояли рабы. В Дагестане их называли кулами, каравашами, казаками (авар, хъзазахъ) или лагами (авар, лагъ), Чечни и Ингушетии — лаями (от чечен, лай — «человек»), Северной Осетии — алхад, садляг, (осетин, «купленный, черный мужчина»). Источниками формирования лагского сословия были военные походы и работорговля на невольничьих рынках. В высокогорной части региона рабов было немного. Зато в центральной, предгорной Аварии, в Лакии, у даргинцев и кумыков лагское сословие занимало видное место и играло большую роль вначале в хозяйственной жизни общины. Здесь рабов также называли по имени тех народностей, у которых они были захвачены, — «грузинами», «персами». Вольноотпущенники, арендовавшие землю своих хозяев, в Дагестане образовывали особую группу чагаров. Как рабы, так и вольноотпущенники могли образовывать целые тухумы. Но чаще они входили в семьи и кланы своих хозяев. Рабское происхождение препятствовало продвижению по социальной лестнице. Они не могли быть свидетелями в суде, должностными лицами джамаата и совладельцами его общинных пастбищ.

Словные реформы и переселения XIX в.

■ Присоединение региона к России, завершившееся на его северо-западе во 2-й половине XVIII в., а в горах Адыгеи, Дагестана, Чечни и Ингушетии к 60-м гг. XIX в., привело к глобальным социальным потрясениям. Привычные условия существования горцев были сильно изменены. В свою очередь, это вызвало изменение соционормативных институтов горского общества. Ряд из них, такие как сословная иерархия, переживали тяжелый кризис. Другие изменили свое значение.

Перестройка горского общества на Северо-Западном Кавказе была начата российскими властями еще в конце XVIII в. В правление Екатерины II «мирным горцам» было запрещено созывать сельские ополчения и княжеские дружины. Функцию охраны горского общества взяло на себя Российское государство. Оно также присвоило право судебной власти. В 1793 г. в Кабарде были учреждены «родовые суды» и «расправы». Они подчинялись Верхнему пограничному суду в Моздоке и разбирали на основании адата гражданские иски и мелкие уголовные правонарушения. Князьям-пши и дворянам-узденям было предложено поступить на русскую военную или гражданскую службу. В частности, в штат Верхнего пограничного суда кроме моздокского коменданта и двух русских офицеров входили также по шесть кабардинских князей и дворян. В дальнейшем судебная система и военное устройство Кабарды не раз менялись. Русские власти создавали здесь то шариатские, то российские, то адатные суды. Однако высшая судебная и военная власть с тех пор перешла к государству.

Горские князья и дворяне постепенно превращались в служилое сословие Российского государства. Законы 1820–1850-х гг. лишили принявших российское подданство адыгских князей почти всех их бывших привилегий. Они потеряли право созывать войска, объявлять войну, совершать набег-зекве, взимать дань с прежде подвластных им народов. Князья уже не считались верховными земельными собственниками в Кабарде. Большинство княжеских кланов к середине XIX в. обеднело настолько, что не могло возобновлять уорктына. Была подорвана вся иерархия «дворянских подарков». Чтобы прожить, обедневшие пши должны были поступать на русскую службу либо тайком заняться наездничеством. Значение княжеского сословия у горцев Северо-Западного Кавказа постепенно сходит на нет. Из полновластных владык и защитников горского общества они превращаются в частных лиц на русской службе. Та же метаморфоза происходила и с дворянством и князьями абазинских обществ, Балкарии и Карачая, Осетии.

На упадок старой верхушки горского общества жаловался автор статьи «Привилегированные сословия Кабардинского округа», опубликованной в 1870 г. в «Сборнике сведений о кавказских горцах». По его словам, за сорок лет, пережитые кабардинцами под непосредственным управлением русского правительства, бывшие междусословные отношения в Кабарде совершенно изменились. Сила и значение князя каждый день утрачивали свое обаяние, и

с каждым днем народная масса становилась самостоятельной. Таких же князей, которые бы образом жизни соответствовали прежнему понятию кабардинцев о княжеском достоинстве, в фамилиях Кайтукина, Бекмурзина и Мисостова нет никого; только в фамилии Атажукина есть один представитель древнего типа кабардинского князя, измененный, впрочем, влиянием своего времени. Со смертью же и этого представителя (ум. в 1868) останется в Кабарде ничего не значащий княжеский титул, а некогда широкая жизнь кабардинского пши перейдет в область легендарного предания.

Прежняя сложная иерархия горцев Северо-Западного Кавказа постепенно сходилась на нет. В 20–50-х гг. XIX в. разница между разными сословиями низшего дворянства почти полностью стерлась. Уже в 1825 г., когда ген. А. П. Ермолов, окончив покорение Кабарды, поручил капитану Я. Шарданову из числа кабардинцев, поступивших на русскую службу, составить Записку о сословной организации края, последний объединил урксаотлугусов и пшикеу в одну группу узденей 3-й степени. Беслан-урки были названы узденями второй степени. К этому времени также были забыты различия между кланами тлекотлешей и дыжиниго. Недаром в Записке Я. Шарданова все высшее дворянство объединено в группу узденей первой степени, выше которых стоят только пши. С ослаблением вассально-иерархических связей дворяне стали более независимыми по отношению к своим сюзеренам. К концу XIX в. различия между разными категориями княжеских и дворянских кланов настолько стерлись, что сами горцы перестали разбираться в сложной сословной иерархии своих предков.

В Дагестане положение ханов, беков и чанков было подорвано в период Кавказской войны. В это время окончательно потеряли независимость шамхал, уцмий, майсум и кумыкские беки, принявшие российское подданство. С начала XIX в. во главе каждого мусульманского княжества на равнине и в предгорьях был поставлен комендант из числа русских обер-офицеров. Он должен был править по прежним законам и народным обычаям при помощи местных ханских и бекских фамилий. Постепенно административная и судебная автономия мусульманских княжеств уничтожалась. К концу Кавказской войны ханы и беки порой добровольно, порой под нажимом русских властей сложили с себя полномочия правителей. В 1844 г. было упразднено Елисуйское султанство, в 1858 г. — Казикумухское ханство. В 1861 г. фактически был лишен власти аварский хан, в 1862 г. ханство было преобразовано в округ. В 1862 г. правитель отделившегося от Казикумухского в 1839 г. Кюринского ханства Юсуф-бек выехал в Мекку. В ханстве было введено русское правление, а в 1865 г. оно было переименовано в Кюринский округ. В 1866 г. были устранены Кайтагский уцмий и правители Северного и Южного Табасарана. В 1867 г. пришел конец Мехтулинскому ханству и Тарковскому шамхалству. Все бывшие правители получили вознаграждение и пожизненные пенсии.

В Нагорном Дагестане горскую знать физически истребили в годы Кавказской войны. Она не поддержала «вольных обществ» горцев в их воору-

женной борьбе за независимость и отказалась подчиниться шейхам из суфийского братства накшбандия, возглавившим эту борьбу под лозунгами «священной войны против засилья неверных» (газават). Все три имама — Гази-Мухаммед, Гамзат-бек и Шамиль, — вели беспощадную борьбу с горскими князьями и дворянами, принявшими сторону русских властей.

После разгрома имамата Шамиля, в 1859 г. Аварское ханство было ненадолго восстановлено, но прошения уцелевших беков и чанков о восстановлении в правах и привилегиях так и не были удовлетворены русскими властями. В архивах сохранились сотни таких дел. Вот характерное прошение гидатлинских беков: «Наши предки, чанков Тилитля, Годада и Ругуджа, переселились из Казикумуха в наши настоящие места жительства, и мы происходили из рода казикумухских ханов... Документы наши уничтожили мюриды Шамиля, убив 25 человек наших отцов и родственников... У нас, тилитлинцев и уринцев, были отобраны Шамилем родовые земли, а у ругуджинцев — Гамзат-беком. Но русским начальством по покорении Дагестана возвращены нам, тилитлинцам и ругуджинцам, и уринцам возвратили одну треть, а две третьих остались в руках сельского общества. В настоящее время мы живем в селениях наравне с прочими узденями и во всем на одинаковых правах с ними и имеем одинаковые адаты...» Другой типичный случай — дело кедибских беков, весь род которых был сожжен наибом Шамиля Аличом в их родовой башне в 1844 г. В 60-е гг. дальний родственник беков Алдамашвили так и не смог вернуть их родовые угодья.

Вместе с кланами горской знати в годы Кавказской войны были уничтожены почти все родовые башни. Выше уже говорилось о сожжении родовой башни беков из с. Кеди. Несколько раз уничтожалась и резиденция аварских ханов в Хунзахе. В свою очередь, русские войска повсюду разрушали родовые укрепления горцев, перешедших на сторону Шамиля. Так, у багулал с. Хуштада они снесли верхние два этажа родовой башни. Н. Ф. Грабовский, посетивший в 1868 г. Чечню, отмечал, что в Аккинских горах все башни, служившие убежищем абрекам и людям, вообще преследуемым правительством, были взорваны русским отрядом в 1860 г. От них остались лишь одни развалины. Та же участь постигла большую часть родовых башен ингушей и осетинских кланов Тагаурии и Дигории, примкнувших к Шамилю в годы Кавказской войны.

Сразу же после окончания Кавказской войны началось преобразование и низших сословий горцев. По окончании Кавказской войны на Северном Кавказе было создано несколько «Комиссий по разбору личных и поземельных прав туземцев». Одна из них работала в 1860–1869 гг. в Терской, другая — в Кубанской области. В 1869–1876 гг. две «Сословно-поземельные комиссии» действовали в приморском Дагестане и Закатальском округе. Их целью были подготовка рекомендаций по освобождению от личной и поземельной зависимости низших сословий горского общества. При этом учитывался опыт крестьянской реформы Александра II, законченной за несколько лет до этого в Центральной России.

Довольно быстро, уже в 1866–1868 гг., были освобождены все горские рабы — лаги, кули и каравашаи Дагестана, Чечни и Ингушетии, а также кулы, карадаши в Балкарии и Карачае, унауы Кабарды. Часть из них была освобождена безвозмездно, большинство — за выкуп с обязательством прослужить у бывших хозяев от 4 до 6 лет. Тогда же началось освобождение крепостных. Всего было освобождено около 700 рабов и 4302 семей раятов Дагестанской области и более 26 тыс. человек в Терской и Кубанской областях, из которых большинство прежде относились к крепостным сословиям пшитлей, кулов, карадашей. Окончательное освобождение крепостных затянулось в Дагестане до 1913 г. Этими мерами российские власти окончательно разбили прежнюю сословную иерархию горцев. Бывшие рабы и крепостные были отчасти уравнены в правах со свободными общинниками. Они получили возможность владеть землей и участвовать в сходах сельской общины.

Для будущего развития горского общества большую роль сыграли переселения горцев из недавно покоренных труднодоступных горных районов на земли на равнине в окружении казачьих станиц. После окончания Кавказской войны командующий войсками Кубанской области ген. Н. И. Евдокимов организовал в 1858–1868 гг. массовое переселение горцев Северо-Западного Кавказа на Кубанские земли. Его план, одобренный правительством Александра II, заключался в изгнании горцев из высокогорья и заселение Западного Кавказа русскими. В мае 1862 г. было утверждено положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. Горные аулы сотнями выжигались. Посевы их истреблялись или вытаптывались лошадьми, а жители, изъявлявшие покорность, выселялись на равнину под управлением приставов.

Горцы, не пожелавшие переселиться на равнину, вынуждены были покинуть Кавказ и эмигрировать в Османскую империю. Оставшиеся на Северо-Западном Кавказе горцы стали равнинными жителями. Появились современные укрупненные села Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Абхазии. Родовые кварталы и селения, принадлежащие одному клану, в них исчезли. В этих поселениях большие семьи распались на малые. Но, как и прежде, все семьи, составляющие клан, продолжали собираться во время свадеб, похорон; клан выступал как единое целое в случаях кровоотмщения.

В советское время борьба с «тайповщиной» сопровождалась высылкой и уничтожением знатных тухумов. Многие фамилии князей и беков эмигрировали с Кавказа за границу еще в конце Гражданской войны, в 1919–1921 гг. Среди них были известные враги Советской власти, такие, как князь Нухбек Тарковский и Рашид Капланов, оба министры Горской республики, князь Магомед-Камиль-хан Дышинский-Арсанукаев, участвовавший в движении Гоцинского в Дагестане, полковник Шер-хан Берладник-Пуковский и многие другие. В 20–30-е гг. оставшиеся на Северном Кавказе представители горской знати, а вскоре и мусульманская верхушка горской деревни, объявленная «кулачеством», целыми кланами высылались за преде-

лы Кавказа в Казахстан, на Южный Урал, в Сибирь. Так, в 1936 г. из 21 горного района ДАССР было выселено около сотни тухумов, в которых входило 650 семей из 3372 человек. Репрессии обрушились на стариков из знатных тухумов, среди которых было много мулл и мусульманских ученых.

В ходе советских репрессий и колхозных преобразований кланы окончательно утратили свое прежнее значение. Теперь они уже не представляли независимой от государства социально-политической организации. В равнинном Дагестане перестали соблюдаться обычаи клановой эндогамии, но традиции аульной эндогамии в горных селениях сохранились до наших дней. Практика эндогамии, перенесенная с тухума на весь аул, дополнительно укрепила единство и солидарность горцев. Управление деревней из рук кланов знати перешло к представителям самых худородных тухумов, включая бывших рабов и крепостных. В колхозе тухумная знать потеряла все свои привилегии и быстро ослабла. Уже к 60–70-м гг. кланы селений перемешались друг с другом. В селах окончательно исчезли родовые кварталы и кладбища. Тухумы распались на отдельные малые семьи. Имена родовых групп для современного поколения горцев давно превратились в названия кварталов.

Но полного исчезновения клановой организации на Северном Кавказе не произошло. Дело в том, что в создании советской государственности в регионе активно участвовали партийные и советские работники из числа самих горцев. Центральные власти поощряли замену старых русских чиновников на Кавказе местными национальными кадрами. С этой целью в 20–30-е гг. во всех советских автономиях региона проводилась политика «коренизации» управленческого аппарата. Но сами горские коммунисты не могли в одночасье освободиться от привычных для любого горца норм поведения в обществе. Добившись власти и широких привилегий в советском обществе, они должны были помочь «выйти в люди» своим родственникам и землякам. Вокруг партийных функционеров из горцев быстро создавались группировки их родственников и земляков. Причем в отличие от прежних кланов они включали не только и не столько их родственников по отцовской линии, сколько более широкие территориальные группировки своих односельчан и представителей своей национальности.

Кланы постсоветского времени опираются не на большие семьи, связанные родством, а на разнородные в этническом и социальном отношениях землячества горцев в больших городах. Кланы давно превратились в территориальные объединения, связанные не общностью происхождения, а единством политических и культурных задач. Изменилось понятие знатности рода.

Одним из последних веяний стало проведение «родовых собраний», организация и финансирование сбора и публикации матриалов по истории своего рода, а также регистрация родового сообщества (фамилии) в качестве общественного объединения. Такие юридические лица уже зарегистрированы, например, в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии–Алании.

Обычное право

Адат как тухумное и общинное право

▪ В правовой сфере тухумной организации горского общества издревле соответствовало обычное право, или адат. Адат отражал социально-политическую систему, а та, в свою очередь, определила этнографическую ситуацию в регионе. Эту особенность соционормативной культуры горцев заметил еще М. М. Ковалевский. В своей книге «Закон и обычай на Кавказе» он пришел к выводу, что в клановой организации лежит источник всех особенностей обычного права горцев. Гипотеза Ковалевского была подтверждена конкретными исследованиями ученых советского времени, в частности В. К. Гарданова об адате адыгских народов, Х.-М. Хашаева, Р. М. Магомедова и М. А. Агларова об обычном праве дагестанских горцев. Выше мы уже не раз встречались с применением адата в самых различных ситуациях, возникающих в горском обществе. Пора дать общую характеристику адата как обычного права горцев в его двух основных сферах применения — как в семье и клане, так и между кланами в сельской общине.

Прежде всего, остановимся на самом термине. Как употреблялось слово «адат» до русского завоевания Северного Кавказа? Уже первые исследователи кавказского адата заметили, что горцы объединяют под этим понятием три разных явления: обычая, живущего в народном предании; закона, действующего в определенной местности; способа разбирательства судебных дел. По справедливому замечанию А. Руновского, в середине XIX в. горцы руководствовались обычаем-адатом в своей домашней жизни, а также судились между собой по адату. «Жить по адату», «судиться по адату» значит жить и судиться по тем неписаным правилам, которыми руководствовались с незапамятных пор. Адаты горцев, народов Дагестана (аварцев, даргинцев, лакцев, кумыков), карачаевцев и их этнических групп были сведены в своды в XIV–XVIII вв. и даже в XIX в.

На Северо-Восточном Кавказе существовала давняя традиция записи адатных норм и конкретных постановлений адатных судов на арабском языке. Она прослеживается, по крайней мере, с XIV в. С XVII в. на Северо-Западном Кавказе известны местные записи адатных норм на староосманском и арабском, а с XVIII–XIX вв. и на русском языке. Кроме отдельных законов и судебных постановлений существовали целые кодексы обычного права XV–XVIII вв., например Гидатлинские адаты, Кодекс Ума-хана Справедливого, Постановления Кайтагского уцмия Рустем-хана в Дагестане. Инициатором записи обычного права выступали сельская община, «вольные общества» или местные мусульманские княжества. Причем записывались исключительно адаты правового характера. По справедливому замечанию Б. В. Далгата, сборники адатов касались лишь адатов уголовных или процессуальных судебно-правовых норм, а описания бытовых обычаев горцев почти не существует.

Важно иметь в виду, что кавказские горцы жили не только по адату. Наряду с обычным правом у них существовали и другие юридические системы. Горцы-мусульмане также руководствовались нормами мусульманского права (шариата). Исламизация Северного Кавказа, растянувшаяся почти на тысячелетие с VIII по XVIII в. привела к постепенному распространению на большей части территории региона ханафитского религиозно-правового варианта или мазхаба суннитского толка. До XII в. его придерживались все мусульмане Кавказа. С XII в. в Дагестане, а к XVI в. в Чечне и Ингушетии перешли к шафиитскому религиозно-правовому варианту (мазхабу) суннитского толка. Адыги и часть осетин, обращенные в ислам турками и крымскими татарами, были ханафитами, как и подавляющая часть населения Османской империи. Главные различия между ханафитами и шафиитами касались толкования целого ряда религиозно-правовых предписаний ислама.

У чеченцев, ингушей, осетин, абхазов, а также цезских народностей Западного Дагестана, к которым ислам проник поздно, кроме местного адата и шариата использовались правовые нормы Грузии, в частности «Уложения царя Вахтанга» (1703—1709 гг.). С XVIII в. вследствие русских завоеваний усиливается влияние на адыгов и других горцев Северо-Западного Кавказа законов Российской империи. Соотношение этих разных правовых систем было следующим. Западная часть Северного Кавказа в целом отдавала предпочтение местным адатам, восточная — шариату. В науке сосуществование адата с шариатом и государственным правом получило название правового плюрализма.

Обычное право играло большую роль в регулировании отношений внутри семьи и клана. Адат признавал за отцом право безнаказанно распоряжаться жизнью и смертью членов своей семьи. По адатам кумыков, если отец убивал сына или дочь, то никто не вправе был мстить ему за это. Ингуши объясняли адат об освобождении родителей от ответственности за убийство детей тем, что никто не является врагом себе. У адыгейцев отец мог изгнать непокорного сына, не выделив ему положенной доли имущества. В случае же, если последний продолжал вести себя недостойно, то он мог даже просить друзей или нанять кого-либо, чтобы убить сына. К самым тяжелым уголовным правонарушениям адат приравнивал убийство сыном отца или матери. Оно нередко наказывалось, как и святотатство. Горцы Южного Дагестана публично побивали отцеубийцу камнями. У табасаранцев дом его сжигался, и его братья должны были убить его. Сваны и балкарцы надевали ему на шею цепь из камней (балкар, как) и изгоняли из общины.

Кроме убийства родителей по адату строго каралось прелюбодеяние. Так, например, у аварцев горец, заставший во время прелюбодеяния свою жену, мать, дочь, сестру, племянницу, внучку или тетку, должен был убить обоих прелюбодеев, не внося никому никакой «платы за кровь». Если соблазнитель скрывался невредимым, то между ним и обманутым мужем возникала кровная месть. В некоторых районах, например в верхнем Кайтаге, соблазнитель мог жениться на своей любовнице и примириться с ее преж-

ним мужем, уплатив ему калым. Но обманутый муж вправе был не отдать жену, а убить ее. А. М. Дирр сообщает, что ему в 1904 г. рассказывали, как в Дагестане одна неверная жена была задушена между двумя досками. По древнему адату ингушей муж отрезал или откусывал неверной жене нос, затем публично прогонял ее и требовал от ее родных возмездия (калым), а также уплатить штраф в 48 коров. Обычай отрезать нос жене, нарушившей супружескую верность, отмечен в XVIII–XIX вв. и у осетин.

В Нагорном Дагестане, Чечне и Ингушетии и у т. н. западных «демократических» адыгов (не имевших княжеской власти) община резко вторгалась в семейные дела и регулировала их. Осуждение общественным мнением (а по адату и преследование) расправы по доносу и подозрению послужило сюжетом баллады Мугрул Пали («Али с гор»), популярной среди аварцев, даргинцев и лакцев. Оклеветана молодая жена Али, который находится в горах со скотом. Али доносят, что его жена раздарила своим любовникам украшения, подаренные им ей, когда она была новобрачной. Прибыв в дом и не обнаружив украшений на жене, Али убивает ее, но узнает от умирающей, что украшения ею спрятаны: «Жемчуг и яхонт, что были на моей голове, не посмела носить, когда нет тебя, и, чтоб не поблекли, положила в сундук». В отчаянии, кляня себя, Али ударами кинжала кончает и с собой. Эта баллада со столь трагической развязкой была очень популярна среди горцев.

Кроме того, община пыталась юридически ограничить применение убийства в случае прелюбодеяния. По адатам целого ряда сельских обществ убийство прелюбодеев разрешалось только в случае выполнения целого ряда условий. Во-первых, нужно было застать любовников на месте преступления. Во-вторых, обманутый муж обязан был либо убить обоих прелюбодеев, или сохранить им обоим жизнь ценой большого штрафа и позора. В своде решений Цекобского сельского общества было записано: «Если муж застанет жену и убьет их обоих, то кровь их пропадает, дият за них не взыскивается... Если же любовник остался живым, то он считается кровным врагом до убийства или до примирения с ним. А если жена осталась живой после убийства любовника, то убийца является кровным врагом, изгоняется из селения до тех пор, пока не убьет жену. С него ни дият, ни штраф не взимаются, пока он не убьет или не простит ее в течение года. По истечении года с нее взимается штраф».

В число бесчестных и особо тяжких поступков входило нарушение неприкосновенности лиц, находившихся под защитой общины: гостей, путников, кровников-канлы, искавших и получивших защиту у общины, священников, суфиев, пастухов или других наемных работников, временно обосновавшихся в ауле ремесленников. Имелись даже специальные постановления по союзам общин (а не только по одному аулу), оберегавшие кровников, нашедших защиту у общества. «Если кто-нибудь из нашего общества подстрекал на убийство канлы, то с подстрекателя взыскивается штраф в размере котла, — говорится в постановлении Гидатлинского союза. — Если же убийство совершилось из-за того, что кто-то донос о кровнике, то с доносчика полагается выкуп (дият) либо к нему применяется кровная месть».

Последняя часть, о наказании доносчика, в результате действий которого совершилось убийство канлы, особенно примечательна. Доносчик сам приравнивается к убийце, к нему применяются адекватные меры: дият или кровомщение — настолько велика цена нарушения иммунитета лица, находящегося под покровительством общины и на ее территории.

Согласно обычному праву клан считался неделимой социальной единицей и юридическим лицом. Это представление отразилось в обычае соприсяжничества. Чтобы очиститься от обвинения в совершении какого-либо преступления или противоправного поступка в случае, когда явных улик не было, подозреваемый должен был «очиститься» совместной присягой членов его тухума. Количество соприсяжных различалось в зависимости от тяжести обвинения. Так, дело о прелюбодеянии, воспринимаемое как тяжелое правонарушение, требовало у аварцев 26 соприсяжных. Можно привести характерные постановления адата по этому поводу: «Если родственники убитых (прелюбодеев) заявят, что они убиты безвинно, то следует им предложить, чтобы они присягой 15 сородичей подтвердили свое заявление». Вот еще один образец любопытного распределения ролей соприсягателей в случае, когда речь идет об антиобщественном (а не частном) уголовном преступлении: «По делу о поджоге охраняемого общественного выгона — 15 соприсягателей (по 5 человек от каждого из трех тухумов)», но: «По делу о поджоге мультка (т. е. частно-семейной собственности) 15 соприсягателей из рода обвиняемого». Нередко руководители клана пытались не допустить своих родственников к присяге, боясь ответственности за дачу ложных показаний.

Представление о коллективной ответственности клана и шире — всей общины — за совершенное преступление породило на Северном Кавказе еще одну любопытную правовую практику. Речь идет об ишкиле или барамте (вариант произношения: баранта). Под этими терминами подразумевается захват имущества родственников или односельчан должника, с тем, чтобы заставить его выплатить задержанный долг или побудить ответчика удовлетворить истца исполнением другого рода обязательств. Само понятие ишкиль, по предположению И. М. Дьяконова и других лингвистов, имеет древневосточное происхождение. Термин ишкиль, безусловно, производное от шекиль, единицы денежного измерения Древнего Востока, а пункты, предписывающие насильственный захват имущества, имеются в законах Хаммурапи, где говорится, что если должник своевременно не возвращает долг, то кредитор может захватить его имущество и семью в рабство. Широкое распространение ишкиль получил на Северном Кавказе. С XVII по XIX в. сохранилась обширная переписка между «вольными обществами», ханами и мусульманскими юристами о случаях ишкиля.

Шариат резко отрицательно относился к ишкилю. В XV–XVII вв. по всему Северному Кавказу мусульманские юристы (факихи) Ахмед Йеменский из с. Кумух, Давуд Хаджияв из с. Усиша, Сайд Араканский, Ибрагим Хаджи из с. Урада вели долгую борьбу с этим явлением как с правовой нормой, несовместимой с шариатом. Но, судя по источникам, пропаганда против

ишкиля никакого успеха не имела. В частности, Ахмед Йеменский, вначале отменивший ишкиль в Кумухе, через несколько лет был вынужден восстановить его. Община, регулируя условия и порядок взимания ишкиля, не отменяла, а утверждала его. Иногда, запрещая ишкиль на своей территории, она поддерживала его за ее пределами. Так, в постановлениях Андалальского общества, где взимание ишкиля на своей территории было строжайше запрещено под угрозой штрафа в размере быка, тем же штрафом наказывалось лицо, попытавшееся помешать такому «правосудию» уже за пределами территории общины. Согласно гидатлинским адатам самовольный захват ишкиля без согласия на то старейшин общины был запрещен у лиц, происходивших из Карахского, Келебского и Ратлубского обществ. Это значит, что у Гидатлинского «вольного общества» был договор с перечисленными выше «вольными обществами» о праве властей брать ишкиль в делах, касавшихся договорившихся сторон. С члена других политических образований ишкиль взимался беспрепятственно. Известно немало примеров заключения подобных договоров устно или письменно, при почетных свидетелях из нейтральных обществ. Порой договор об ишкиле сопровождался определенными обрядами.

Применение ишкиля не ограничивалось насильственным взиманием долга. Например, араканцы требовали у общества Охли заставить вора-охлинца возместить убыток и сурово наказать его, в противном случае Араканское общество грозило применить ишкиль ко всем охинцам. Такие же требования с Тлондода предъявила к обществу Асал, общества Кеди к Гаквари и т. д. Ишкиль между обществами или же между обществами и местными князьями достигал иногда весьма крупного размера, служил орудием политического и экономического нажима. К этой категории следует отнести случай, описанный в письме Абумуслима шамхала Тарковского обществу Чиркей (XVIII в.). Он жаловался на захват чиркеевцами 21 пары быков, двух заложников и лошадей то ли у подданных шамхала, то ли у него самого. Таким способом Чиркей добивался у шамхала признания своей политической независимости и освобождения от уплаты дани.

Угроза одной общины другой подвергнуть ее ишкилю означала, прежде всего, то, что, если какие-либо условия не будут выполнены, истцы могут применить ишкиль по отношению к любому члену общины, откуда происходит должник или вор. Если должник из одного общества не выплачивал долг должнику из другого общества, то истец мог воспользоваться куначескими связями в обществе ответчика. Кунак истца в пятничный день общеджамаатской молитвы в мечети забирал обувь всех находившихся членов джамаата из прихожей. Обувь получали только после того, когда молившиеся в мечети принуждали должника или ответчика выплатить долг или выполнить любые другие требования, считавшиеся законными.

Ишкиль был признан общиной и дозволен адатом, т. е. органически вошел в юридическую систему кавказского адата, как и кровомщение, в форме, регулируемой общиной. Это компенсировало отсутствие в горском обществе долговых тюрем или других насильственных средств принужде-

ния, кроме экономического (пеня) и морального (общественное осуждение). Правда, община до того, как позволяла ишкиль, привлекала должника к суду по заявлению истца. Если должник покинул аул после того, как его предупредил исполнитель (гел) о необходимости явки на суд для разбирательства, то исполнитель вправе взыскать с него долг в пользу истца. Это очень важное свидетельство в пользу того, что долговые отношения на первом этапе регулировались судом и властью, а ишкиль вступал в силу на втором этапе, когда первое средство не достигало цели. Ишкиль в общине перерос собственные функции «долгового насилия», сфера его применения расширилась, он стал средством экономической, а иногда и политической борьбы между общинами, а также между общинами и местными государственными объединениями.

Военно-народное управление (1860–1917)

■ Завершив завоевание горцев, российские власти приступили к реорганизации системы управления на Северном Кавказе. Причем предполагалось отдельно управлять русскими переселенцами и горцами. Для последних создавалось особое военно-народное управление. Решено было временно не вводить для горцев российских законов и администрации и позволить им жить по местным обычаям и подчиняться прежним начальникам под контролем русских военных властей. Центр военно-народного управления был создан в Тифлисе. Ему подчинялись почти весь Дагестан, большая часть Терской области (8 из 12 округов), 5 горных округов Кубанской области, а также Закатальский округ Азербайджана и Сухумский отдел Грузии (современная Абхазия).

Русские дореволюционные власти пришли к идее военно-народного управления не сразу. Она появилась в ходе долгих экспериментов по управлению на Кавказе. Первоначально для покоренных народов вводились общероссийские порядки. Подобным образом было устроено управление Кабардой. Однако из-за волнений горцев, протестовавших против введения у них российских законов, уже в 1807 г. родовые суды и расправы здесь были упразднены. В 1840 г. гражданское и уголовное российское законодательство было введено для мусульман Кайтага и Табасарана. Однако, за исключением Дербента, где с 1806 г. существовало комендантское управление, местные жители игнорировали эти суды. Согласно донесениям начальников участков, в начале 40-х гг. в горах Кайтага и Табасарана скопилось несколько сотен бежавших от российского правосудия кровников. Они образовывали разбойничьи шайки, грабившие местное население и тревожившие российские власти. После общедагестанского восстания 1843 г., зачинщиками которого в Южном Дагестане оказались эти шайки, российские суды для дагестанских мусульман в 1848 г. были распущены.

С учетом предыдущих проб и ошибок в 1860-е гг. наместник Кавказский кн. А. И. Барятинский попытался распространить дагестанский экспе-

римент на весь Северный Кавказ. Однако насильственное вытеснение подавляющего большинства горцев Западного Кавказа с их земель и быстрое заселение их русскоязычным населением из Центральной России помешали осуществить его повсеместно. Уже в 1872 г. горское население Кубанской и Терской областей было подчинено общероссийской гражданской администрации, а в 80-е гг. переведен в ведение Военного министерства. Здесь удалось провести в жизнь только ряд элементов военно-народного управления, такие, как адатные и третейские суды. Наиболее полно идеи военно-народного управления были осуществлены в Дагестане (за исключением Дербента и прилегающих территорий, где действовали общероссийские законы) и в Закатальском округе Северного Азербайджана.

Основные принципы судебно-административной перестройки горского общества были определены в «Положении об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом». Оно было утверждено 5 апреля 1860 г. Кавказским наместником кн. Барятинским. Согласно § 1, 47–48 «Положения» 1860 г., у местных мусульман по всей области «судопроизводство отправляется по адату и шариату и по особым правилам постепенно составляемым, на основании опыта и развивающейся в них потребности» (подразумевается тот же адат, но изменяемый сообразно нуждам правительства). Создание институтов военно-народного управления было в основном завершено после принятия 26 апреля 1868 г. «Положения о сельском управлении в Дагестане». С небольшими изменениями, внесенными в него после подавления восстания 1877 г., военно-народное управление просуществовало до весны 1917 г., когда было уничтожено, согласно решениям Временного правительства, пришедшего к власти в России в ходе Февральской революции 1917 г. В то же время были упразднены отдельные институты военно-народного управления, действовавшие в Терской и Кубанской областях, а также Сухумском, Батумском и Артвинском округах Кутаисской губернии.

По мысли российской администрации, реформа обычного права и процесса в Дагестане преследовала следующие основные цели.

Во-первых, она должна была преодолеть судебно-административную раздробленность и создать единую централизованную организацию края. В ходе реформы к 1867 г. были упразднены последние мусульманские ханства, обладавшие собственной юрисдикцией, — Казикумухское, Аварское, Кюринское, владения Кайтага и Табасарана, шамхальство Тарковское и Мехтулинское ханство. Вместо них было создано 9 округов. Засулакская Кумыкия вошла в состав Хасавюртовского округа Терской области, Кубинское ханство — в Закатальский округ Бакинской губернии. Округа делились на наибства и участки. Гарантом соблюдения постановлений адатных судов вместо сельских обществ горцев, местных беков или ханов стало Российское государство.

Низовыми органами судебной и законодательной власти для горцев-мусульман стали сельские словесные суды, заменившие собой три разных вида дореформенных судов. Они могли разбирать по адату мелкие уголов-

ные преступления против личности (семейные ссоры, сельские драки, публичные оскорбления женщин) и уголовные преступления против собственности (обман, утайку денег, воровство), если сумма иска не превышала 50 рублей. Им были подсудны также уголовно-хозяйственные преступления, совершенные на землях общины (потравы, нарушения единого сельскохозяйственного оборота). Кроме того, они могли разбирать по шариату гражданско-семейные тяжбы, сумма иска которых не превышала 100 рублей.

В отличие от прежних адатных судов решения словесных сельских судов не были окончательными. Они могли обжаловаться в месячный срок в окружных народных судах, созданных при начальниках округов. В ведение окружных судов были переданы адатные иски, изъятые из ведения сельских словесных судов, включая тяжелые уголовные преступления против личности (ранения, убийства, изнасилования, кражи, похищения женщин) и крупные уголовные преступления против собственности (обман, утайку денег, воровство на сумму более 50 рублей, случаи разбоя и грабежа). В юрисдикцию окружных судов также вошли поземельные тяжбы за владение и пользование по адату пастбищами, лесами, дорогами и водными ресурсами. По шариату они разбирали серьезные гражданско-семейные тяжбы, сумма иска которых не превышала 100 рублей.

Апелляционной инстанцией для окружных судов стал Дагестанский народный суд. Он был сформирован при генерал-губернаторе Дагестанской области в г. Темир-Хан-Шуре. В месячный срок он разбирал жалобы на решения окружных народных судов. Ему же были подсудны все случаи измены, бунтов, нападений на сельское и окружное начальство, скрытого или явного неповиновения властям, приравненные в пореформенном Дагестане к тяжелым уголовным преступлениям. Уголовные и поземельные тяжбы между дагестанскими мусульманами и русскими переселенцами решались в Дагестанском областном суде, а с 1875 г., в заменивших его двух мировых отделах, заседавших в городах Дербенте и Темир-Хан-Шуре.

Другой целью реформы было ослабление исполнительной, судебной и законодательной власти мусульманских руководителей сельских общин (кадиев, суфийских шейхов) и создание светской общедагестанской администрации, которая пользовалась бы доверием и авторитетом у местных жителей и была бы послушным исполнителем решений центральных российских властей области. Активные участники движения Шамиля и восстания 1877 г. были лишены всех прав, казнены или высланы из Дагестана. В то же время члены сельских и окружных судов были поставлены под строгий надзор российских военных властей области. Словесные суды содержали сельские общины. Члены Дагестанского народного суда, окружных народных судов и председательствующие в словесных судах сельские старосты стали получать жалованье от правительства (320–240 рублей в год).

По своему составу словесный суд мало отличался от дореформенных адатных судов. В него входили имам пятничной мечети (кадий или дибир), муэдзин (будун), секретарь (гламил) и несколько членов совета старей-

шин. Численность старейшин в сельских судах колебалась от 1–6 человек до 7–12 человек. После реформы в состав сельского суда был введен сельский староста (бегаул, юзбаши). До 1866 г. эта должность встречалась только в селениях Северо-Западного и Центрального Дагестана. В окружные суды и Дагестанский народный суд входили начальник округа/области, кадий, секретарь и по одному знатоку адата от каждого наибства/округа.

Третьим важнейшим направлением реформы было ослабление шариата и модернизация адатного права и процесса с целью подготовить постепенный переход дагестанцев к единому российскому судопроизводству и уголовному законодательству. На первом этапе такого перехода, рассчитанного на несколько десятилетий, были сохранены основные нормы адатного процесса и права, общие для всех горцев. По форме суд остался прост. Процесс по-прежнему носил обвинительный характер, одинаковый при разборе уголовных и поземельных дел. Прокуроров и адвокатов не было. Сельский суд собирался у мечети по пятницам, если заявление не требовало немедленного разбирательства. Кроме изнасилований, увоза девиц и оскорбления женщин, дела в судах всех уровней всегда рассматривались гласно. Официальным языком адата в Дагестане остался арабский. В Кубанской и Терской областях сельские горские суды также пользовались арабским, но для переписки с окружными горскими судами использовался русский. Попытка перейти в апреле 1913 г. к русскому судопроизводству в Дагестане вызвала сильные волнения горцев, и от этого проекта пришлось отказаться.

Из принятых в адате наказаний в несколько измененном виде юридическую силу сохранили изгнание кровника из сельского общества (канлы), штраф за пролитие крови (дият, алым), платежи (композиции) за любое уголовное преступление, взимавшиеся как в пользу пострадавшего, так и в пользу общества. Запрещены были некоторые архаичные адаты: трехдневный грабёж имущества убийцы и ишкиль (барамта) — самовольный захват имущества должника, отказывающегося уплатить долг.

Адатный уголовный процесс и право, в деталях которых до реформы царил полный разнороб, был несколько унифицирован. Во всех округах Дагестанской области по делам о воровстве, поджогах и потравах назначалось от 1 до 12 человек соприсягателей, по делам о прелюбодеянии — 15, по делам, влекущим кровоотмщение, — 12–60, по делам об убийстве и поранениях — 6–30. Были установлены единые сроки изгнания из селения от 3 месяцев за оскорбление женщины до 3–10 лет за убийство. Больше единообразия стало в размерах штрафов, в большинстве мест из натуральных переведенные в денежные. Дият также чаще стал определяться в российских деньгах — от 30 рублей в Казикумухском округе до 300 рублей. в Самурском и Андийском округах. Новыми мерами наказания в пореформенном адате стали арест и принудительные общественные работы.

В целом реформа обычного права оказалась плодотворной. В Дагестане удалось создать гибкую судебно-административную машину, которая

более полувека после завершения реформ справлялась с решением большинства конфликтов в уголовной и земельной сферах. Благодаря ее деятельности мусульманские народы Дагестана впервые после почти столетней Кавказской войны обрели внутреннюю безопасность и стабильность. В то же время, несмотря на все усилия правительства, так и не была искоренена кровная месть и частые поземельные столкновения. Довольно высоким оставался уровень преступности в высокогорных южных и северных округах области. Пореформенный адатный суд оказался жизнеспособнее российской судебно-правовой системы 2-й половины XIX — начала XX в. Если дореволюционные мировые суды перестали существовать уже в первые годы Гражданской войны, то процессуальные формы и правовые нормы адатного суда сохраняли юридическую силу до начала советских административно-судебных реформ конца 20 — начала 30-х гг. XX в.

Военно-народное управление, созданное на пореформенном Северном Кавказе, имело много общего с судебно-административными институтами французской и английской колониальных империй XIX в. Российская империя, как Англия и Франция, пыталась использовать общину и адат для «умиротворения» и более эффективного управления своими новыми мусульманскими подданными. Община стала основной административной и фискальной единицей в горских округах с военно-народным управлением. Как известно, в западноевропейских империях прошлого века была создана по существу колониальная соционормативная система. На словах апеллируя к доколониальной правовой практике, на деле она постепенно заменяла ее. На пореформенном Северном Кавказе мы, похоже, имеем дело с подобным феноменом.

Советская власть, адат и шариат

▪ Отношение Советской власти к обычному праву было прямо противоположно политике российской дореволюционной администрации. Последняя поддерживала адат. Большевики же в начале 1920-х гг., наоборот, искали союза с мусульманским освободительным движением. Адат они называли «антинародным колониальным» правом, а его сущностью — «эксплуатацию трудящихся мусульман» ханами и беками при поддержке царизма. «Подлинным народным обычным правом» (sic!) северокавказских горцев молодое Советское государство признало шариат. Пока Советская власть была еще слаба, большевики пытались привлечь на свою сторону местные мусульманские народы, поддерживая шариат в ущерб адату. Поэтому они объявили о замене на Северном Кавказе адатных судов шариатскими.

Выступая 13 ноября 1920 г. на Чрезвычайном съезде народов Дагестана, тогдашний нарком по делам национальностей И. В. Сталин заявил: «Дагестан должен управляться согласно своим особенностям, своему быту, обычаям. Нам сообщают, что среди дагестанских народов шариат имеет

серьезное значение. До нашего сведения также дошло, что враги Советской власти распространяют слухи, что Советская власть запрещает шариат. Я здесь от имени правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики уполномочен заявить, что эти слухи неверны. Правительство России предоставляет каждому народу полное право управляться на основании своих законов и обычаев. Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию. Если дагестанский народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены». Ему вторил С. М. Киров. На Учредительном съезде Горской АССР 17 ноября 1920 г. он обещал горским депутатам: «Если вы желаете судиться по шариату — судитесь по шариату, это дело ваше в том смысле, что, очевидно, только такая форма суда в данном случае понятна народу».

Введение шариата было одним из важнейших требований революции 1917 г. в регионе. Первая резолюция о создании шариатских судов была принята на проходившем в мае 1917 г. во Владикавказе I Съезде горских народов Кавказа, решившем ввести во всех судах по всем делам мусульман правила Корана и шариата. Вскоре это постановление было подтверждено I Съездом народов Терека, состоявшемся в январе 1918 г. в Моздоке. В 1918 г. городские шариатские суды открылись во всех крупных северокавказских городах с мусульманским населением — Владикавказе, Грозном, Нальчике, Темир-Хан-Шуре.

После установления Советской власти на Северном Кавказе шариатские суды были узаконены повсюду, где они существовали, — в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Северной Осетии, Кабарде, Карачае. В каждой автономии Северного Кавказа была создана своя иерархия шариатских судов или шарсудов, как их стали называть в это время.

Наиболее сложная трехступенчатая организация шариатского правосудия сложилась в 1920–1922 гг. в Дагестане. В самом низу ее стояли «шариатские тройки» из двух членов и председателя (дибир, мулла) в отдельных селениях и городах. Они разбирали мелкие гражданские, наследные, уголовные и поземельные иски. Апелляции на их решения подавались в окружные шарсуды. Последние также рассматривали гражданские и наследные споры, дела о разделе имущества на сумму до одной тыс. рублей, поземельные тяжбы между селениями, убийства и другие тяжкие преступления. Кассационной инстанцией для шарсудов всех уровней служил Шариатский отдел Дагестанского Ревкома, а с 1922 г. — Шариатский подотдел при Наркомюсте ДАССР. Контроль за работой сельских и окружных шарсудов был поручен окружным следственным комиссиям.

В других советских автономиях Северного Кавказа структура шариатского правосудия была проще. Согласно постановлению «О введении шариатского судопроизводства» от апреля 1921 г. в Горской АССР его основным звеном были окружные «шариатские тройки» под председательством шариатского судьи (эфенди). Они разбирали гражданские и наследствен-

ные споры на сумму до 200 рублей, кражи и другие мелкие уголовные правонарушения, а также составляли «списки порочных лиц», т. е. преступников-рецидивистов, подлежащих высылке с Кавказа или заключению в лагерь. С распадом в 1921–1924 гг. Горской АССР в разных выделившихся из нее областях и республиках была создана своя организация шариатских судов. Наиболее широкими полномочиями окружные шарсуды были наделены в Чечне и Ингушетии. Здесь их решения мог обжаловать только Верховный суд РСФСР. В Кабарде и Адыгее жалобы на решения окружных шарсудов подавались в республиканский НКЮ. Наконец, в Кубано-Черноморской республике вместо шариатских судов была учреждена должность кади в составе народных судов.

Несмотря на свое название, шарсуды продолжали руководствоваться в своей работе не только мусульманским правом, но и нормами адата. Состав сельского шарсуда почти не отличался от словесного. По форме судопроизводства шарсудов всех уровней осталось крайне простым. Прокуроров и адвокатов в нем не было. Сельский суд собирался в здании сельсовета или на центральной площади селения у мечети по пятницам, если заявление не требовало немедленного разбирательства. Кроме изнасилований, увоза девиц и оскорбления женщин, дела в судах всех уровней всегда рассматривались гласно. В уголовных делах шарсуды всех уровней руководствовались принятыми в адате наказаниями: изгнанием кровника из сельской общины (канлы), штрафами за пролитие крови (дият, алым) и за любой ущерб, нанесенный собственности, взимавшимися как в пользу пострадавшего, так и в пользу государства. Шире, чем до революции стали применяться денежные штрафы и тюремное наказание. Вместе с тем был запрещен ряд норм адата, прямо противоречащих советскому законодательству: кровоотмщение, трехдневный грабеж имущества убийцы или ишкиль/барамта и некоторые др. Под запретом оказались и уголовные нормы шариата (такие, как смертная казнь убийцы, отрубание руки вору, побивание камнями прелюбодеев).

Кроме шарсудов на раннем советском Кавказе существовали и другие судебные институты. Во всех советских автономиях были созданы народные и сельские словесные суды, а также земельные комиссии. Первые народные суды возникли в июле 1920 г. В их штат входили народный судья, добавочный судья, секретарь, помощник секретаря и сторож-курьер. Они могли рассматривать гражданские и уголовные иски против немусульман, а также обвинения немусульманами мусульман в совершении уголовных преступлений. В народные суды передавались и тяжбы между мусульманами в тех случаях, когда хотя бы одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд, а с 1923 г. и дела по убийствам и кровной мести. Все эти дела должны были разбираться по советскому законодательству.

Малочисленность народных судов, а также сложности по их финансированию и переводу их решений на языки народов Северного Кавказа заставили власти дополнить эти учреждения сельскими словесными судами.

Тут разбирались те же иски, что и в народных судах, а с 1922 г. и изъяты из ведения шарсудов дела по установлению опеки над вдовами и сиротами. Причем, как и дореволюционные словесные суды, советские сельские суды обходились без письменного делопроизводства. В этой особенности можно видеть влияние обычно-правового процесса.

Поземельные споры, до революции разбиравшиеся в окружных и народных судах, перешли в ведение созданных в 1921–1922 гг. окружных и областных земельных (или судебно-земельных) комиссий. На основании 206, 207 и 208-й статей Земельного кодекса РСФСР они должны были урегулировать все спорные дела по землеустройству и тяжбы между сельскими общинами и частными лицами о правах на владение и пользование земельными угодьями на территории республики. Земкомиссия состояла из председателя, представителя окружного совета и землемера. В Дагестане в мае 1923 г. для контроля и координации деятельности земкомиссий была создана Центральная коллегия по спорным земельным делам при ЦИК ДАССР. Подобные органы были созданы и в других советских автономиях на Северном Кавказе. Интересно отметить, что, как шариатские и сельские словесные суды, земкомиссии обоих уровней использовали в своей работе нормы обычного права. Они нередко устраивали примирение тяжущихся сторон (маслихат) при посредничестве окружных властей, знатоков адата и авторитетных стариков из нейтральных селений.

Согласно официальной советской статистике, на Северо-Западном Кавказе шарсуды ежегодно разбирали до 30–50% всех судебных дел; в Дагестане и Чечне — до 70–80%. Местные мусульмане предпочитали обращаться не в советский народный, а в шариатский суд по ряду причин. Дело в том, что судоворение тут проходило на понятном им родном языке. Немалую роль при этом играл авторитет местных имамов, участвовавших в работе шарсудов. Кроме того, шарсуды меньше страдали от бумажной волокиты, столь характерной для всех советских учреждений.

Наступление окрепшей Советской власти на шариатские суды началось накануне осуществления на Кавказе общесоюзных программ по индустриализации и коллективизации. Задумав насильственно изменить структуру местного общества, советские руководители в первую очередь решили обезглавить его, поставив вне закона мусульманских лидеров города и деревни. Уже в первой трети 20-х гг. шарсуды сняли с государственного обеспечения и перевели на содержание мусульманских общин, желавших судиться по шариату. Тяжкие уголовные правонарушения, поземельные тяжбы, дела по опеке над вдовами и сиротами, а также иски, в которых одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд, были изъяты из ведения шариатских судов и переданы в народные суды. Наиболее активные противники Советской власти лишались избирательных прав и исключались из состава шарсудов. В Северной Осетии, Адыгее и Кабарде большинство знатоков шариата было отстранено от судебной практики. Должность председателей шарсудов тут нередко занимали лояльные к власти

выходцы из беднейших слоев, абсолютно невежественные в вопросах права. Все это значительно затрудняло работу шариатских судов.

Первые попытки отменить действие шариатского правосудия на Северном Кавказе относятся к 1922 г. На территории Горской АССР шарсуды несколько раз то закрывали, то в ответ на жалобы и волнения мусульман вновь восстанавливали. Окончательно их запретили сначала в Северной Осетии, где мусульмане составляли меньшинство населения, в 1924 г. в Горской республике, в январе 1925 г. — в Адыгее и Кабардино-Балкарии, в январе 1926 г. — в Ингушетии и Чечне, а в апреле — октябре 1927 г. — в Дагестане.

В 1928 г. в Уголовный кодекс РСФСР была введена X глава «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». Ее действие распространялось не на всю территорию Федерации, а в основном на те районы Северного Кавказа, где до этого существовали шариатские суды. Ст. 203–204 главы X приравнивали отправление шариатского правосудия к тяжелым уголовным правонарушениям, за которые полагалось заключение в лагере сроком на один год. Среди квалифицированных таким образом досоветских правовых норм и институтов кроме шариатских встречалось немало и чисто адатных: взимание «цены крови» (дията) с убийцы (ст. 194 главы X УК РСФСР), отказ от примирения-маслихата и продолжение кровотомищения (ст. 195), умыкание девушек с целью брака с ними (ст. 197), захват скота несостоятельного или отказывающегося от уплаты долга должника (барамта) (ст. 200–202), осуществление суда согласно адату (ст. 203). Подобные наказания были сохранены в новых редакциях Уголовного кодекса РСФСР, принятых в 1935 и 1960 гг.

В это время начинается борьба с «вредными феодально-патриархальными пережитками прошлого», под которыми идеологи советских реформ стали объединять адат и шариат. Причем главный упор в этой борьбе в 30–50-е гг. был перенесен на шариат. Был взят курс на уничтожение адата и шариата и создание единой советской судебной-правовой системы.

Несмотря на упорную борьбу Советской власти с адатом и шариатом, полностью искоренить их на Северном Кавказе так и не удалось. Свидетельство тому — постоянная обеспокоенность советских и партийных руководителей республики «вредными пережитками прошлого». Республиканские обкомы КПСС не раз принимали решения, направленные на искоренение пережитков адата и шариата в колхозной деревне, однако они так и не были ликвидированы. Наиболее остро проблема эта стояла в Дагестане, ей были посвящены республиканские совещания в августе 1951 г. и в апреле 1955 г., а также III пленум Дагестанского обкома КПСС, состоявшийся 2–3 октября 1956 г. В своем решении пленум наметил конкретные мероприятия по усилению борьбы «с пережитками патриархально-феодальных отношений и религиозными суевериями» (подразумеваемая под ними обычное право и шариат). В критике этих «пережитков» приняли участие все известные народные поэты Северного Кавказа, в частности аварец

Гамзат Цадаса, посвятивший этой теме свою книгу «Метла адатов», не раз переиздававшуюся огромными тиражами на аварском и русском языках.

В 60–70-е гг. отношение к адату и шариату на Северном Кавказе опять изменилось. К этому времени необратимость советских преобразований на Северном Кавказе стала очевидна. Теперь уже можно было не бояться возрождения тут дореволюционного режима. Советская власть уже не видела в адате опасной силы, которую могли использовать ее политические противники. И вот в 60-е гг. советская пресса заговорила о необходимости отличать «полезные адаты» от «вредных». Продолжая громить такие «пережитки адата», как неравноправие женщин, кровную месть и, как это ни парадоксально, шариат и народные исламские культы святых шейхов, газеты и журналы все более сочувственно отзывались о горских обычаях почитания старших, мирного урегулирования конфликтов между односельчанами, бережливого отношения к общественной собственности. По мысли идеологов советских реформ, нужно было поставить «полезные адаты» на службу Советской власти. Переход к политике опоры на «полезные адаты» подготовил почву для движения за возрождение адата и шариата, охватившего регион в 90-е гг.

После распада СССР в 1991 г. на волне движения за мусульманское возрождение на Северном Кавказе началось стихийное восстановление шариатского правосудия. К настоящему времени несколько десятков шариатских судов было создано в мусульманских общинах Северного Дагестана, Чечни, и Ингушетии; единичные шариатские суды появились в Адыгее, Карачае, Кабарде и Северной Осетии. Как правило, они состоят из имама соборной мечети, который по пятницам председательствует на заседаниях совета старейшин общины. Он разбирает мелкие уголовные и брачно-семейные дела, оформляет завещания. Наряду с шариатскими судами у мусульман Северного Кавказа работают российские народные и общественные третейские суды.

В 90-е гг. шариат все больше становится козырем в политических интригах. Он стал рассматриваться как средство узаконить создающиеся ныне и далекие от идеалов ислама политические режимы и движения. Так, первый президент Чеченской Республики Ичкерия, совершенно светский и советский человек, генерал Дж. Дудаев провозгласил шариат источником права в Чечне. Но реально он ничего не сделал для введения в жизнь норм мусульманского правопорядка и предотвращения разгула преступности в республике. О необходимости учреждения шариатских судов не раз говорили дагестанские, чеченские и российские политики, замешанные в терактах и массовых убийствах мирных жителей на Северном Кавказе. В сентябре 1999 г. знаменитый террорист Шамиль Басаев объявил о создании его дагестанскими единомышленниками на территориях в Ботлижском и Цумадинском районах Дагестана, захваченных отрядами Конгресса народов Чечни и Дагестана (куда также входит известный террорист и полевой командир Хаттаб), исламского суда, чтобы судить предателей и

трусов. Необходимо различать эти псевдошариатские учреждения от настоящих адатно-ша риатских судов, которым удается несколько ослабить разгул преступности в ряде северокавказских городов и селений.

Колхозная метаморфоза сельской общины

■ Необычно сложилась судьба сельской общины при Советской власти. Дореволюционная организация горской деревни без особых изменений просуществовала до начала коллективизации. Общинные институты, основанные на принципах адата, послужили основой для органов Советской власти и новой сельской администрации. Вместо упраздненных после революции сельских старост в 1920–1922 гг. была учреждена должность председателя сельсовета. Но его обязанности и даже имя (в Дагестане и Чечне — бегаул) остались прежними. Председателя и депутатов сельсовета выбирали на сельских сходах. Здесь по-прежнему обсуждали вопросы, касавшиеся благоустройства общины, восстановления дорог, мостов, родников и т. д. Суд и управление селом остались в руках совета старейшин (карты, чухби, кевхи). Весь немногочисленный исполнительный аппарат общины, включая глашатая и сельских исполнителей, не менялся с дореволюционных времен. В 1925 г. на основе сельских исполнителей была организована милиция при сельсоветах. На первых порах милиционеры назывались чаушами.

Приступив к коллективизации деревни, Советское государство создавало для горцев новые советские институты. Уже в 1920–1921 гг. в Ставрополье, на Кубани и в Кабарде появились первые ТОЗы — товарищества по совместной обработке земли. Первым ТОЗом в горах была «Чохская коммуна», созданная в аварском с. Чох в Дагестане 27 апреля 1921 г. В помощь ТОЗам с 1924 г. начали создаваться кресткомы или Аульские общества взаимопомощи (АОВ). Они объединяли горцев в постоянные и временные кооперативы, кредитовали их, перераспределяли среди членов кооперативов государственную финансовую помощь. К 1929 г. кресткомы были созданы по всей территории края, включая самые «медвежьи углы» Нагорного Дагестана и Чечни. Вместе с ними создавались «Комитеты бедноты» (комбеды) и кассы взаимопомощи для бедноты. Появилось несколько форм кооперативов от ТОЗов, обобщавших только часть инвентаря, до колхозов и совхозов предполагавших полное обобществление имущества горского крестьянства. Наиболее популярными у горцев формами кооперации стали Универсальные сельхозкредитные товарищества.

Первые кооперативы нередко основывались на базе дореволюционных сельских институтов. Например, ЦИК Кабардино-Балкарской АО обратил в кресткомы примечательные фонды, состоявшие из ежегодных отчислений общинников на религиозные и общественные нужды (закята). Он поставил во главе кресткомов мулл, сделав АОВ чем-то вроде управлений вакфами (примечательными землями), а затем, когда кабардинцы привыкли

вносить отчисления в АОВы, преобразовал их в советское учреждение. В Дагестане, Чечне и Ингушетии многие секретари кресткомов были муллами (дибирами). Комбеды часто организовывались по тухумному или квартальному принципу. Знаменитая «Чохская коммуна» первоначально представляла тухумный отселок, выделившийся из общины в хутор у Гунибского моста. На сельском сходе жители хутора решили распахать участок общинных пастбищ. Такой способ образования самостоятельной общины был хорошо известен горцам по адату. Первые колхозы в Нагорном Дагестане и Чечне возникли на общинных и вакуфных землях. Подобные «факты искривления колхозного движения» сотнями вскрывались советскими контрольными органами, пресекались, но возникали вновь и вновь.

Более решительная ломка адатных институтов доколхозной общины была начата в годы сплошной коллективизации. На равнине и в предгорьях она была осуществлена с сентября 1929 по лето 1935 г. В горных районах объединение крестьян в колхозы затянулось до 1939–1940 гг. Последними вступили в колхозы горцы высокогорных районов Северного Дагестана и Чечено-Ингушетии. В ходе «колхозного строительства» были окончательно распущены советы старейшин. Были национализированы вакуфные земли и занятное имущество мечетей. Большая часть мечетей была при этом закрыта, некоторые разрушены. Насильственно обобществлялись частносемейные участки и скот (мульк) горских кланов. На равнине и в предгорьях колхозы и совхозы, как правило, объединяли земли нескольких общин каждый. Этот принцип особенно строго соблюдался в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Горные коллективные хозяйства часто возникали в границах прежних сельских общин. Но и они в 1940–1955 гг. были укрупнены. В послевоенные десятилетия многие укрупненные колхозы превращались в совхозы.

В годы коллективизации перестали соблюдаться многие общинные и родовые обычаи и обряды. Когда в 1939 г. во время этнографической экспедиции к шапсугам одного из них спросили, совершали ли при прошлогодней засухе моление о дожде (хацегъуашэ), горец отвечал, что это теперь не разрешается. Но уже через несколько лет колхозное и советское начальство решило восстановить «полезные традиции» горцев. Было решено праздновать некоторые полурелигиозные полужемледельческие празднества, такие, как праздник первой борозды (запряжки быков — аварск. оц бай) — начала весенних сельскохозяйственных работ, традиционно собиравший всех членов общины. В с. Убра его восстановили уже в 1939 г., в с. Кумух — только в 1951 г. Повсюду стали отмечать праздник цветов, навруз байрам.

Возрожденные к 50-м гг. общинные обряды приобрели чисто советскую окраску. На сельские праздники приглашалось местное советское и партийное начальство. Каждый праздник начинался митингом. Были запрещены совместные моления об урожае. Древняя земледельческая обрядность отмирает и заменяется бутафорской советской. Происходит музеификация об-

щинной культуры. В 60–80-е гг. в подготовке празднований навруза, праздника первой борозды и проч. стали принимать участие этнографы.

В послевоенные десятилетия была сделана попытка возродить и некоторые общинные институты самоуправления. В целом ряде кавказских республик — в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Адыгее, Абхазии при сельсоветах стали создавать советы старейшин. Они включали в себя от 3 до 15 мужчин пенсионного возраста. По замыслу местных властей, они «возрождали полезные горские традиции». Однако, копируя одноименные до-революционные институты, на деле они создавали совершенно новые советские традиции. Это были чисто совещательные органы без реальной власти. Их члены помогали народным судам и сельсоветам в поддержании общественного порядка в колхозе или совхозе, участвовали в регулировании столкновений на почве кровной мести, следили за поддержанием в порядке дорог, оросительных каналов, сельских клубов и не допускали расхищения колхозной собственности. В 60–80-е гг. такие советы действовали в нескольких десятках горных и равнинных селений. В Ахтынском районе Южного Дагестана к концу 70-х гг. они были организованы при всех сельсоветах. Больше всего советов старейшин насчитывалось в колхозах и совхозах на равнине, а у горцев-переселенцев Новолакского района для координации действий сельских советов старейшин был сформирован районный совет старейшин.

Для пропаганды «полезных адатов» и искоренения «вредных традиций, несовместимых с социалистическим образом жизни» были созданы Комиссии по борьбе с пережитками прошлого в быту и внедрением новых обрядов и обычаев в семейном и общественном быту горцев. Впервые на Северном Кавказе они были созданы в середине 60-х гг. в Карачаево-Черкесии. В 70-е гг. подобные комиссии появились в Дагестане, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и других республиках. В них вошли пожилые мужчины 60–70 лет. Среди них было немало первых горских комсомольцев и коммунистов 20–30-х гг., участников красного партизанского движения и установления Советской власти в горах. Прежние борцы с адатами под старость лет начинали создавать новые советские обычаи. Однако им не всегда удавалось контролировать ситуацию.

Полулегально горцы-мусульмане продолжали праздновать курбан-байрам, мавлид и прочие крупнейшие религиозные праздники. В 1977–1981 гг. в переселенческих селениях на равнине Северного Дагестана вспыхнуло стихийное исламское движение, предвестник исламского подъема 90-х гг. Создавались нелегальные группы молодежи по изучению арабского языка. Последователи мусульманских шейхов суфийских братств накшбандия, кадирия и ясавия устраивали коллективные молитвы (зикр). Движение было подавлено органами МВД и КГБ. Сходы, проведенные под руководством комиссии, выразили самые верноподданнические чувства по отношению к Советской власти. Они просили «предать уголовной ответ-

ственности руководителей исламских групп, призывавших сельскую молодежь следовать законам шариата».

В 60–80-е гг. отношение горцев к колхозам меняется. К этому времени происходит постепенное слияние общинных и советских институтов в повседневной жизни и сознании горцев. Для поколений, родившихся и выросших при Советской власти, колхозы казались прямым продолжением традиций дореволюционной общины. Действительно, колхоз постепенно вобрал в себя основные институты общины-джамаата. Функции сельского схода перешли к общему собранию колхозников. Оно руководит всей общественной жизнью села, следит за соблюдением правил землепользования, регулирует имущественные и семейные споры между жителями села. При колхозах сельский сход стал собирать не только глав семей, но все взрослое мужское население селения, как это было до русского завоевания. Местом сходов по-прежнему служат центральные площади аулов (годекан, гим). В послевоенные десятилетия в большинстве селений Северного Кавказа они переместились в новые кварталы села, к сельсовету и сельмагу.

Хозяйственные обязанности сельского старосты (бегавула, юзбаши) разделили между собой председатели колхоза и сельсовета. Пелал уже в качестве колхозных исполнителей и под именем ахранов (от искаж. русск. «охранять») объявляли через громкоговоритель о решениях сельского начальства и схода, штрафовали колхозников за их невыполнение, охраняли границы колхозных угодий от потрав скотом. В Аварии за эту работу им начислялось по 10 трудодней в месяц. При этом во многих колхозных общинах возникло до поры до времени скрытое двоевластие. Непопулярному колхозно-советскому начальству здесь противостояла хотя и объявленная вне закона, но пользующаяся большим авторитетом у горцев власть сельских мулл (дибиров, эфенди). Функции судебной и отчасти исполнительной власти бегавула сосредоточил в своих руках дибир. Этот выборный глава мусульманской общины села, в советское время объединивший в своем лице кади и имама джамаата, в обход советских законов по-прежнему судил и консультировал своих односельчан по обычному праву и шариату. Последний занял место старой светской элиты джамаата, погибшей в ходе коллективизации. При этом право на власть им давала уже не знатность, а поддержка всего джамаата.

Такое слияние колхоза и общины объясняет, почему после падения в 90-е гг. Советской власти горцы не хотели отказаться от советских коллективных хозяйств. По данным официальной статистики, большая часть колхозов и совхозов на Северном Кавказе продолжает существовать донныне. Например, в Северной Осетии — Алании к 1994 г. сохранилось 43 из 46 колхозов и 36 из 48 совхозов. В Дагестане на всереспубликанском референдуме 28 июня 1992 г. более 2/3 дагестанцев проголосовали за сохранение советских коллективных хозяйств и против введения частной собственности на землю. Из 634 дагестанских колхозов и совхозов, прошедших перерегистрацию в 1992–1993 гг., 580 решили сохранить свой прежний

статус. Большинство других не распались на отдельные фермерские хозяйства, а преобразовались в товарищества, акционерные общества, кооперативы и прочие, в сущности, коллективные хозяйства в границах бывших колхозов и совхозов.

В последние годы к идее укрепления горской общины опять возвращаются как республики Северного Кавказа, так и федеральные власти. Они пытаются опереться на выжившие в период советских репрессий традиционные сельские институты, возродить крепкую общину для укрепления рушащейся пирамиды власти на местах. Недаром в новой Конституции Северной Осетии—Алании, принятой 12 ноября 1994 г., сказано: «Местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций» (ст. 109). В 1995–1997 гг. в Дагестане были проведены законы «О сельской общине», «О местном самоуправлении» и «О третейских судах». Подобные законы о сельской общине и местном самоуправлении были приняты и в других республиках Северного Кавказа.

Какие выводы можно сделать из рассмотренных выше материалов? Как отмечалось выше, судебно-правовая политика Советской власти на Северном Кавказе не раз менялась, но лейтмотивом ее всегда оставалась борьба с ускользающим из-под государственного контроля обычным правом. Однако результаты социально-правовых реформ 20–60-х гг. в горской деревне оказались совсем не такими, какие ожидали от них их организаторы. Прогнозы советских историков и юристов об «отмирании адата, шариата и других вредных пережитков старого режима» не оправдались. Столь же ошибочным оказалось определение советскими этнографами обычного права как неизменного «традиционного института», свойственного догосударственным обществам и не способного к развитию в современном обществе.

Кровная месть

Обязательность кровомщения

■ Формы и социальное значение насилия в горском обществе были самыми различными. В ответ на оскорбление женщины, захват земли, ранение или убийства горцы отвечали убийством обидчика. Кровная месть могла продолжаться в течение ряда поколений либо до полного физического истребления клана виновного. В то же время кровная месть могла служить действенным средством пресечения насилия и иных противоправных действий горцев. Причем если особенности кровной мести порой значительно различались, то общие черты этого обычая всюду были одинаковы. Ниже мы рассмотрим наиболее характерные для региона примеры кровомщения.

Вражда между двумя кланами и взаимное кровомщение чаще всего возникали на почве отношений между мужской и женской молодежью.

Причиной мести служило похищение девушки или женщины. Причем часто похищения устраивались с согласия самой похищаемой (кабард. дэклү-эсэн), что имело место обыкновенно в том случае, если родители девушки не соглашались выдать ее за избранного ею жениха. В таком случае она сговаривалась с женихом относительно ее увоза. Бывали иногда и такие случаи, что двое мужчин заявляют претензии на одну девушку, и один из претендентов, не желая, чтобы девушка стала женою другого, похищал ее. По адатам всех кавказских горцев насильственный увоз женщины рассматривался как уголовное преступление, почти равносильное убийству. При определении наказания за насильственный увоз женщины народные адаты делали различие между увозом девушки или вдовы и замужней женщины. Так, у аварцев похитивший замужнюю женщину вносил в пользу сельского общества штраф, вдвое превосходивший штраф за умыкание девушки или вдовы. Кроме того, во многих обществах виновный высылался из общины в качестве кровника (тюрк, канлы) при похищении девушки или вдовы на несколько месяцев, а при похищении замужней, на более долгий срок (один–три года).

При похищении по взаимному уговору дело в большинстве случаев кончалось примирением с родными похищенной и свадьбой. Примирение с родными похищенной девушки устраивалось при содействии уважаемых стариков и друзей похитителя; достигалось оно сравнительно легко, если похититель принадлежал к клану, равному по своему общественному весу с кланом девушки. У аварцев похититель при примирении должен был подарить братьям или отцу девушки хорошее кремневое ружье и устроить угощение. По обычаю кабардинцев ни одно примирение, связанное с похищением, убийством, ссорой, не происходило без уплаты виновником гьэфлэжыпшлэ, т. е. вознаграждения потерпевшего за согласие на примирение. Согласно этому обычаю виновная сторона передавала потерпевшей стороне хорошую лошадь с седлом, кроме этого, в день примирения она организовывала угощение на 100 и более человек, для чего резали 3–5 голов крупного рогатого скота, 10–15 баранов, готовили большое количество бузы и т. д.

Обязанность кровомщения прежде всего лежала на родных братьях пострадавшего или убитого. Если нет брата, мстить были обязаны ближайшие родственники по отцовской линии. При отсутствии близких родственников должны были мстить вообще члены тухума, или рода, к которому принадлежал убитый. Если член рода убитого, встретив убийцу, не мстил ему, общественное мнение клана и общины резко осуждало его поведение. Бывали примеры, что после убитого отца оставался мальчик 3–4 лет. Мать внушала ему, как святую обязанность, отомстить за убитого отца. И спустя много лет, сделавшись взрослым, сын мстил за отца. Аварцы сложили целую балладу о героической сестре, поехавшей в далекую Хевсуретию, чтобы отомстить за убитого в набеге брата.

В отмщение за убитого в первую очередь старались убить его убийцу. Но если это не удавалось сделать, иногда, хотя и в редких случаях, убивали

кого-либо из его близких родственников. Это не поощрялось общественным мнением; говорили: почему не убили врага, а убили невинного человека. Убийца обыкновенно укрывался в доме какой-нибудь нейтральной фамилии, и члены этой фамилии охраняли его до прихода властей. В случае убийства гостя, кунака в доме, где он укрылся, хозяин дома отвечал за кровь. Мечети и другие священные места правом неприкосновенности не пользовались. «В мечеть убежишь, и там не оставлю», — гласит аварская поговорка. По обычаю, если кровники встречались, родственник потерпевшего должен был убить обидчика. В «Описании кабардинского народа», сделанном В. Бакуниным в 1748 г., описан ход кровной мести между двумя княжескими кланами. По его словам, все владельцы кабардинские один на другого всегда опасались убийства и, чтобы уберечься от него, по ночам спали в панцирях.

Кровная месть, согласно неписаному обычаю, считалась долгом, а по писаному адату заменялась выкупом (от арабск. дият). «Мы кровь своих убитых не продаем», — говорили чеченцы. Другие горские народы, например бежитины, в XVIII—XIX вв. предпочитали выкуп продолжению мести. В выплате дията, размеры которого были очень велики, участвовал весь тухум. В некоторых обществах существовали правила, по которым кровомщение не должно было перейти за восьмое колено прямого кровного (по отцовской линии) родства (с. Кубачи), в других не было таких правил. О роли тухумов в этой сфере красноречиво сказал М. А. Агларову один из стариков в с. Анди: «О тухумах вообще люди не вспоминали, и они никакой роли не играли, все делалось по соседству и авалам (подразумеваются кварталы), но как только случались распри и убийства, то сразу вспоминали, кто кому кем приходится, какого тот тухума, чтобы поддержать своих людей. О тухумах вспоминали также при заключении браков».

В случаях изнасилования девушки или женщины кровную месть было настолько сложно остановить, что вражда между кланами-тухумами могла закончиться истреблением одного из них. Например, в даргинском с. Кадар Нагорного Дагестана два тухума враждовали около 200 лет, с XVII в. до 60-х гг. XIX в. Среди ингушей известен случай кровной мести, продолжавшейся почти 150 лет, в течение которых каждая сторона потеряла не менее 20 человек убитыми. Но в большинстве случаев развитие кровной мести сдерживалось т. н. системой композиций — натуральных или денежных платежей согласно нормам обычного права (адата). По словам большого знатока адыгского быта Л. Я. Люлье, у горцев кровомщение не было необузданным, неудержимым чувством, вроде вендетты корсиканцев; это была скорее обязанность, налагаемая честью, общественным мнением, требованием крови за кровь. О существовании подобной нормы на Северо-Восточном Кавказе говорит дагестанская пословица «Кровь кровью не смывается».

Пролитая кровь разных сословий горского общества традиционно оценивалась по-разному. Отражая социальную градацию, система композиций была наиболее неравномерной на Северо-Западном Кавказе и в рав-

нинном Дагестане. Из описаний 1-й половины XIX в. явствует, что у адыгов размер возмещений за убийство определялся условной платежной единицей под названием *сха* или *баш* (букв. «голова»). Эта же мера использовалась при уплате *калыма* и служила основой для определения стоимости компенсаций за различного рода уголовные преступления: ранение, увечье, оскорбление личности, воровство и т. д. По материалам г. В. Новицкого, князья, дворяне, подвластные и крестьяне имели свою определенную «цену крови», утвержденную обществом с давнего времени, и по ней взыскивали с убийцы. За убийство князя брали 100 *баш*. За дворянина 1-го класса взыскивали 50 *баш*, за дворян прочих двух классов — по 30, а за подвластного — 25 *баш*. Переведя эти условные единицы в головы скота, которым обычно исчислялись штрафы у адыгов до конца XVIII в., В. К. Гарданов пришел к выводу, что «цена крови» князя колебалась от 6 до 8 тыс. быков со всей общины, тогда как «цена крови» простого свободного адыга (*тлхукотля*) составляла в XVIII в. всего лишь 160 быков. За убийство раба платили его «рыночную стоимость». По верному замечанию кабардинского историка В. Х. Кажарова, высокая «цена крови» князя укрепляла и безопасность его подвластных. В данном случае адат ставил мощный заслон развитию неограниченного кровоотмщения.

Так как кровная месть вносила расстройство в хозяйственную и общественную жизнь, старики обыкновенно прилагали все усилия, чтобы примирить враждующих. В Гидатле для примирения враждующих фамилий собирались старики всех шести аулов и устраивали примирение. Церемония примирения состояла в следующем. Члены враждующих фамилий становились в два ряда, на некотором расстоянии друг против друга. Между ними стояли почетные старики нейтральных фамилий. Один из самых уважаемых стариков читал молитву, затем произносил речь, заклиная навсегда прекратить вражду. После этого мир объявлялся восстановленным, и устраивалось угощение. Расходы на угощение в некоторых обществах брали на себя нейтральные фамилии, организующие примирение. Примирение иногда сопровождалось уплатой виновной стороной пострадавшей семье некоторой компенсации; но это делалось негласно, чтобы не сказали, что пострадавшие помирились из корыстных побуждений, подкупленные деньгами или имуществом. После примирения кровники назывались «братья крови».

Чтобы предотвратить взаимное истребление целых тухумов, было принято высылать убийцу (а в некоторых районах и его ближайших родственников) далеко за пределы владений общины. Искавшие защиты присоединялись к укрывшей их общине, полностью принимая все ее законы и обычаи. О распространенности этого наказания говорит тот факт, что в Дагестане несколько десятков селений основаны тухумами кровников, изгнанными или бежавшими от кровоотмщения.

Положение кровника и простого путешественника среди горцев регулировалось обычаем гостеприимства, распространенным практически у всех мусульманских и христианских народов региона. Дж. Лонгворт отмечал три

важнейших качества, которые более всего ценились у черкесов в середине прошлого века. Это храбрость, красноречие и гостеприимство. Гостеприимство как первейшую добродетель черкесов и почитание гостя особой неприкосновенной упоминается и в сборнике адатов А. А. Кучерова. О гостеприимстве горцев с теплотой отзывались дореволюционные авторы, очутившиеся в самых отдаленных районах Нагорного Дагестана, Чечни или Грузии. Традиционно отношение горца к гостю-кунаку основывалось на двух принципах: во-первых, оно распространялось на любого человека, в том числе преступника или кровника; во-вторых, ради безопасности гостя хозяин обязан был жертвовать всем, вплоть до своей жизни. Эти нормы не раз спасали жизнь горцев.

Кровная месть в период Российской империи

■ Кровная месть была больным местом в российской дореволюционной политике на Северном Кавказе. Сначала военные, а затем гражданские власти вели долгую борьбу с этим явлением, но так и не смогли искоренить его. Сразу же после того, как горцы приняли российское подданство, им было строго запрещено совершать кровоотмщение по адату. В Кабарде еще в 1793 г. было запрещено разбирать дела о кровоотмщении согласно адату. Урегулирование кровной мести стало прерогативой Верхнего пограничного суда в Моздоке. Случаи кровоотмщения были приравнены к убийствам, вооруженным грабежам и разбирались на основании законов Российской империи.

С учреждением в 1807 г. в Кабарде трех духовных судов (мехкеме) кровная месть разбиралась по шариату вплоть до их запрета в 1822 г. Интересно отметить, что в этот период меры пресечения кровной мести между кланами становятся намного более суровыми. Они перестают учитывать сложную сословную иерархию горцев. Под влиянием распространения норм шариата, более сурово наказывающих за кровную месть, в 1807 г. появился новый адат: «Если кто без причины кого-либо убьет, то по закону также лишается жизни». «Цена крови» была сохранена в случаях неумышленного убийства, причем без учета общественного положения убийцы. Все слои кабардинского общества должны были выполнять новую адатную норму: «Если кто нечаянно убил, то за кровь платит 1500 рублей серебром ближайшему наследнику».

Наряду с борьбой с кровной местью российские власти хотели лишить князей и ханов их бывших правовых привилегий. В «немирных князьях» они видели опасного противника для российского господства в регионе. Поэтому они постарались уничтожить старый адатный принцип, запрещающий мщение вышестоящему в социальной иерархии лицу. В знаменитой прокламации 1822 г. наместник Кавказа Ермолов предписывал кабардинцам: «Уздениям и простому народу повелеваю, что при всякой

встрече с изменниками действовать оружием и забыть глупое обыкновение не стрелять в князей, когда они стреляют». Далее он предупреждал, что «если простой народ стрелять не будет, то население будет наказано оружием». Таким образом, власти не просто допускали, но открыто поощряли убийства князей, лишенных российским правительством «прежних достоинств». На деле это официальное поощрение убийства князей-«изменников» оказалось палкой о двух концах. С одной стороны, было подорвано уважение к князьям, среди которых многие «бунтовали» против российской власти. Но с другой — был уничтожен принцип, сдерживающий кровоотмщение в горском обществе. Из правоохранительного института кровная месть постепенно превращалась в противоправный. Она сильно дестабилизировала горское общество. В кровоотмщении все чаще участвовали деклассированные элементы.

С введением на Северном Кавказе военно-народного управления борьба с кровной мстью вступила в новую фазу. С этого времени власти усиленно пропагандируют отношение к кровоотмщению как к «несправедливому обычаю», «архаичному адату», который требуется запретить. Кровоотмщение было объявлено вне закона, разрешенное по дореформенному адату по отношению к кровникам и застигнутым на месте преступления ворами и развратникам. Теперь оно было приравнено к убийству, совершенному при отягчающих обстоятельствах. Высылка кровника в канлы была заменена ссылкой на поселение в Сибирь и другие отдаленные районы России.

Если примирения достичь не удавалось, бегаул при посредничестве дибера и знатоков адата часто добивался согласия родственников потерпевшего принять «цену крови» (дят, алым). В разных округах Северного Кавказа покупательная способность российского рубля была различной, и местные композиции за убийство по-прежнему сильно отличались друг от друга. Так, за «простое убийство» в с. Бацада и Согратль взимался дят в 100 отрезков ткани (кирбас), в с. Гидатль — 30 коров, в обществах дидойцев — 60 коров, в с. Тамуда — 12 мер зерна и 25 рублей, у тиндинцев и чамалал — 180 рублей, у цезов — 300 рублей или овец, в селениях Кайтагского округа — 50–400 рублей, в селениях Казикумухского и Самурского округов — 150–300 рублей. Умышленное убийство (тюрк, каракан) оценивалось в 7–14 раз больше. Кровь мужчины считалась вдвое дороже крови женщины. В случае ранения кровник оплачивал работу врача, лекарства и пропитание больного до его полного выздоровления. Плата за увечья, переведенная на русские деньги, осталась прежней. Кроме этих композиций кровник уплачивал штраф в пользу общины (от 1 быка до 33–100 рублей в разных селениях) и изгонялся в канлы на срок от года до 10 лет или бессрочно.

Полностью искоренить кровоотмщение вплоть до революции так и не удалось. В пореформенный период наиболее развитие кровная месть получила в Нагорном Дагестане, Чечне и Ингушетии. По официальной статистике, тут около 80% всех тяжких уголовных преступлений совершались на почве кровной мести. В начале XX в. ежегодно совершалось до 500–

600 убийств и более 2000 ранений. 40% из них приходилось на долю Андийского, Кайтаго-Табасаранского и Даргинского округов.

В пореформенное время учащаются случаи кровоотмщения, поводом к которым служили драки в нетрезвом виде. Под влиянием контактов с русскими переселенцами и сезонного отходничества в Центральную Россию резко выросло потребление водки и бузы горцами. Так, в декабре 1868 г. Акай Абдуррахман-оглы из с. Нижние Казанищи Темир-Хан-Шуринского округа в пьяном виде смертельно ранил выстрелом из пистолета своего родственника Амир-хана Хасай-оглы. Решением Дагестанского областного суда виновный был выслан на три года кровником-канлы. По адату с него был также взыскан штраф-дият в 100 рублей. В мае следующего года брат покойного Шуайб Хасай-оглы встретил на дороге жителя с. Гонода Гунибского округа Сали Галев-оглы и, по ошибке приняв его за своего кровника, затеял с ним ссору. В последовавшей за этим стычке Шуайб убил Сали выстрелом из пистолета. Дело разбиралось в Управлении начальника Северного Дагестана по русским законам. Другое убийство, рассматривавшееся в Андийском округе в том же году, было совершено на свадьбе. Магома Якуб-оглы во время пляски нечаянным выстрелом из пистолета убил брата невесты, своего односельчанина Магому Иса-хан-оглы.

Российским властям не удалось существенно изменить дореформенную систему наказаний за уголовные преступления. В некоторых селениях, как, например, Акуша и Цудахар, за ранения и убийства продолжали судить не по адату, а по шариату. Тюремное заключение, введенное Шамилем за уголовные преступления, получило повсеместное распространение. Во всех окружных центрах, наибских ставках и в большинстве крупных селений у главной площади (годекан) возле мечети были устроены тюрьмы. Чаще, как в с. Ботлих, Гагатль, Гаквари, Гигатли и др., ими служили ямы, перекрывавшиеся каменной глыбой. Реже встречались небольшие каменные камеры, как, например, в с. Цуйди. В с. Хуштада на стене сельской тюрьмы до сих пор сохранилась дата постройки — 1321 г. от хиджры (1903–1904).

Не удалось заменить переход в канлы ссылкой за пределы Северного Кавказа. Боясь оказаться в Сибири или Центральной России, кровники из Аварского и Андийского округов Дагестанской области помногу лет укрывались в Горной Чечне. В Южном Дагестане канлы бежали в горы Закавказского округа Бакинской губернии. Желая избежать недовольства мусульманского населения, начальство Дагестанской области разрешило в 1911 г. заменить ссылку кровников в Сибирь высылкой их в отдаленнейшие округа Дагестанской области. Срок пребывания в канлы по новому закону был увеличен до 20 лет. В частности, по этому закону канлы из с. Гагатль (Андийский округ) высылались в с. Чиркей, Кумух в Центральном Дагестане и даже с. Ахты на юге Дагестана. Наоборот, в Андийский и Гунибский округа высылались канлы с юга и севера области.

В целом ряде сельских обществ вместе с кровником продолжали высылать и его ближайших родственников. Семьи убийц сами бежали из родных селений, боясь мести более сильных тухумов. Такие случаи в пореформенное время отмечены в с. Гимры, Игали, Кахаб-росо и Ашильта. В с. Гдым целый тухум был основан в конце XIX в. семьей, изгнанной из с. Зрых за убийство одним из ее членов односельчанина. Таким образом, ряд норм адата, касающихся кровной мести, в какой-то степени сохранил юридическую силу.

Перерождение кровной мести в XX в.

■ При Советской власти традиции кровоотмщения претерпели значительные перемены. Революция 1917 г. и Гражданская война (1918–1921) сопровождалась ростом преступности. Кровная месть распространилась по Северному Кавказу еще шире, чем это было до революции. Повсюду действовали банды. Они целыми кланами вырезали своих политических противников, будь то «белые» или «красные». УГРО Северокавказского края отмечал учащение здесь случаев самосуда, начинавшихся простым избиением, а заканчивавшихся убийством заподозренного в конокрадстве, поджоге и проч. даже с применением истязаний. Советская власть с самого начала своего существования активно боролась с кровной местью, но не могла искоренить это «проклятое наследие царского режима». Только в Дагестане, по данным прокуратуры на 1924 г., 80% всех тяжелых уголовных правонарушений происходило на почве кровной мести. В 1928 г. специальная комиссия Президиума Дагестанского ЦИК отметила, что в последнее время участились убийства и, в частности, особенно на почве кровной мести. В связи с этим НКЮ ДАССР было поручено разработать программу необходимых мероприятий по предупреждению этих преступлений. Под руководством народных судей в сельских районах создавались общества «Долой кровную месть». Однако избавиться от этого зла не удавалось.

В 20-е гг. мягкие меры наказания убийц, происходивших из социальных низов, приводили к тому, что, отсидев срок в советской тюрьме, или досрочно освобожденный по амнистии убийца возвращался в свое родное селение, где его вскоре убивали родственники погибшего. Сами горцы с презрением относились к подобным приговорам советских судов, которые за глаза называли «принимая во внимание». «Один убивает другого, — говорили крестьяне, — и попадает под суд, а суд со всей строгостью присуждает убийцу к 6–8 годам заключения и еще со строгой изоляцией, а потом, «принимая во внимание» его происхождение (бедняк, батрак, рабочий и т. д.), его темноту, то обстоятельство, что он судим впервые и т. д., сокращает срок наполовину, а там подспевают разные манифесты, годовщины и т. д. и не проходит двух лет, как убийца уже дома. Ясно, что кровники

возвратившегося домой убийцы не могут мириться с этим, и вот происходит второе убийство, а там третье, четвертое...».

Шариатское правосудие также не смогло справиться с кровотоощением. Еще в 1921 г. это отметил проинспектировавший работу шарсудов народный комиссар юстиции ДАССР А. Далгат. По его наблюдениям, шариатские суды часто выносили приговоры о выдаче убийц родственникам убитого для убийства, однако на деле крайне редко применяли смертную казнь за убийство по шариату. В одном случае смертный приговор шариатского суда должен был быть приведен в исполнение через три года, так как сын убитого оказался малолетним и не мог убить своего кровника. Таким образом, приговоренный к смерти должен был ждать 3 года своей казни.

В 30–50-е гг. борьба государства с кровной местью усилилась. На Северном Кавказе стали применять более суровые меры пресечения этого преступления. По настоятельной просьбе прокуратуры Северокавказского края в 1931 г. Пленум Верховного суда РСФСР в Москве принял поправку к Уголовному кодексу Федерации. С этого времени убийства, совершенные на почве кровной мести, стали рассматриваться как «государственные преступления» по ст. 58, п. 8. За них было положено применять высшую меру наказания — расстрел. Полностью искоренить кровную месть в регионе не удалось, но с конца 30-х гг. она идет на убыль. Немало кровников в годы сталинских репрессий погибли в ссылке или лагерях, куда они попадали по доносам и ложным обвинениям представителей враждующих с ними фамилий. К 70–80-м гг. число официально зарегистрированных случаев кровотоощения по всему Северному Кавказу значительно сократилось. Преступления, квалифицированные как «пережитки местных обычаев (включая кровную месть)», составляли только 0,7% общего числа преступлений в регионе.

Перемещение основной массы преступлений в города вызвало изменение характера судебных дел. Удельный вес традиционных для горцев столкновений в городе и в деревне сокращается. Под все усиливающимся влиянием городов и городского образа жизни уже в 50–60-е гг. исчезают такие типичные для досоветской деревни столкновения, порой ведущие к кровотоощению, как периодически повторявшиеся драки между детьми и подростками из враждующих сельских фракций — «старых» и «пришлых» кланов (тухумов) и кварталов. Последние такие столкновения были засвидетельствованы в 20–40-е гг. этнографами Г. Ф. Чурсиным, М. Е. Шиллингом, Л. И. Лавровым. В то же время вместе с семьями переселенцев в города перекечевала и кровная месть. Она заняла прочную нишу в структуре городской преступности. По данным МВД, в конце 70 — начале 80-х гг. месть была основным мотивом 47% зарегистрированных в больших городах телесных повреждений и 70% убийств. Наряду с мужчинами своим кровникам стали мстить и женщины. Из жертв кровной мести они все чаще становились ее активными проводниками. С 60-х гг. некоторые семьи кровников для наказания своих

обидчиков начали нанимать профессиональных убийц. Такие случаи известны в Аджарии и Абхазии.

Мотивы и способы кровоотмщения особо не изменились. Поводом к кровной мести в советское и постсоветское время служили, с одной стороны, умышленные или неумышленные ранения и убийства; с другой — случаи оскорбления женщин и прелюбодеяния. Кровная месть возникала и между сельскими общинами. Поводом к ней в данном случае служили поземельные споры, которые всегда были бичом малоземельных кавказских горцев. В советское время такие споры не раз возникали сначала между обществами, а затем между колхозами и совхозами. В 1928 г. земкомиссии Дагестана отметили 36 «нерешенных остро стоящих поземельных споров» на территории республики. В столкновениях из-за спорных земель, о которых подробнее будет рассказано ниже, обычно участвовали не отдельные колхозники, а большие группы мужчин и женщин. Согласно докладной записке Наркомзема ДАССР в Дагестанский ЦИК от 13 октября 1924 г. земельные споры между сельскими обществами доходили до вооруженных столкновений, в результате чего случались убитые и ранены.

Советская власть продолжала использовать испытанные нормы, применявшиеся в дореволюционном адате для борьбы с кровной местью. В случае столкновения кланов-тухумов или целых общин сторону, признанную виновной, порой выселяли в отдаленные места республик и областей. За пределы ДАССР были сосланы без семей виновные в убийствах, поджогах и ранениях, совершенных в селении. Кроме того, для примирения кровников районные советы неоднократно создавали примирительные комиссии. В них кроме представителей враждующих сторон и местного колхозного начальства входили наиболее авторитетные колхозники, в основном старики. В 1957–1962 гг. при возвращении на Северный Кавказ насильно депортированных в 1944 г. чеченцев, кровников вызывали в примирительные комиссии и брали с них подписку о прекращении вражды. С 60-х гг. власти широко прибегали к посредничеству воссозданных в это время советов старейшин.

Распад СССР и обострение криминогенной обстановки в регионе способствовали «возрождению» кровной мести. К концу 90-х гг. количество убийств и ранений на почве кровоотмщения превысило даже дореволюционный уровень. Сегодня 10–15% всех зарегистрированных в республиках преступлений совершаются на почве кровной мести. Большинство случаев кровной мести отмечено в Центральном и Северо-Западном Дагестане, в равнинной Чечне, Ингушетии, Северной Осетии и Абхазии. Важно отметить, что именно эти районы представляли собой основной ареал существования кровной мести в дореволюционное и раннее советское время. Кроме того, вследствие массового переселения горцев из этих районов на равнину область распространения кровоотмщения в настоящее время охватывает и часть равнинных районов Ставрополя и Кабардино-Балкарии.

Абреки

Воинственность горцев: мифы и реальность

▪ Вплоть до русского завоевания между кланами горцев иногда случались кровопролитные стычки и междоусобицы.

К этому времени в российской историографии о Кавказе сложился крайне отрицательный, я бы сказал демонический, образ горца как духа разрушения. Даже такие объективные авторы, как С. М. Броневский, считали, что горцы «приобретение корысти силой оружия вменяют себе за честь... яко драгоценный дар почитают вольность, которую употребляют часто во зло, делая набеги и грабежи друг против друга и в окружающих странах». По словам русских авторов эпохи Кавказской войны, характерная черта кавказских горцев кроме благородных поступков заключается в страсти к набегам и походам.

Мемуаристов, жалующихся на разбои горцев, можно понять. Обычно они испытали их на личном опыте или писали со слов людей, подвергшихся нападениям горцев. Действительно, вплоть до завоевания Кавказа Россией путешествовать по краю без провожатого могло привести к неприглядным ситуациям, если, правда, он приходил с плохими намерениями. На побережье Каспийского моря пиратствовали владыки небольших ханств Дагестана. Еще в конце XVIII в. один из них — уцмий Кайтагский — пленил российского академика С. Гмелина, отправленного на Кавказ с дипломатической и научной миссией. Тот скончался в плену в 1774 г. На Северо-Западном Кавказе черкесские и карачаевские князья и уздени прославились «наездничеством» — так дореволюционные авторы называли набеги их конных дружин (кабард. *зеклуэ* [произносится как зекве], карач. *джортуул* (поход), *чабыуул* (набег)). Другой ученый того времени, И. Гюльденштедт, семь лет находился в плену у черкесов.

Как и во всем средневековом мире, противоборствующие стороны применяли самые жесткие методы борьбы, такие, как набеги на вражеское селение. В 1-й половине XIX в. жесткие методы борьбы с противником применяли не только разбойники-абреки вроде чеченца Бей-Булата, но и царские генералы. В наместничество на Кавказе ген. Ермолова (1816–1827 гг.) русские войска сжигали целые аулы, вырезали непокорное население, захватывая его скот и прочее имущество. В рапорте о своих действиях в Чечне ген. Пулло сообщал о проведении им набегов с истреблением населения и взиманием заложников-аманатов. В свою очередь Шамиль пользовался услугами абреков. Его отряды не менее жестоко выжигали непокорные «предательские» селения, уводя в плен их жителей (например, при сожжении в 1843 г. с. Хунзах и разрушении в 1845 г. с. Чох).

Еще важнее отметить, что процитированные выше авторы чрезмерно преувеличивали значение таких взаимоотношений на Кавказе. Ведь даже имевшиеся в распоряжении ученых конца XIX в. весьма неполные источники отчетливо говорят о том, что «набеги» отнюдь не являлись основным

источником существования местных жителей. На это обстоятельство обратили внимание еще некоторые дореволюционные кавказоведы. Так, И. Пантюхов отмечал, что, не будучи знакомы с внутренней жизнью горцев, но зная их только как смелых грабителей, летописцы и историки считали их дикарями и разбойниками. На самом же деле, правильная внутренняя организация, например, лезгинских общин, честность во внутренних взаимоотношениях и оседлая земледельческая культура не давали основания для такого мнения.

Противостояние между Россией и горцами усилилось после того, как горцам был закрыт выход на равнину на отгонные пастбища и на рынки для торговли. Попытки загнать горцев в горы в «каменные мешки» — это была тактика всех захватчиков. И на это горцы ответили «виларатом».

Многими исследователями XVIII–XIX вв., как и большинством его соседей, не принималась оценка горца как профессионального разбойника. Основой существования горского общества было многоотраслевое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Набеги же там, где они имели место, носили скорее спорадический характер.

Обратимся к такому явлению как кавказское абречество, как явлению, вызванному определенными историческими условиями, той эпохи, для которой оно было наиболее характерным. При таком подходе несложно обнаружить, что основная масса свидетельств о профессиональных разбойниках-абреках на Кавказе падает на XIX–XX вв. Сам термин «абрек», как это ни удивительно, стал употребляться на Кавказе в его современном значении весьма поздно — только в 30–40-е гг. прошлого столетия. Рассмотрим сперва его этимологию.

Что же означает слово «абрек». Ф. И. Леонтович, обобщивший сведения дореволюционных авторов об этом термине, так характеризует изгоя, исключенного из семьи и рода. По своему положению абреки были бездомные бродяги. Обстоятельства сложились так, что жить и воровать для них одно и то же. Юридическое положение абрека высказывалось в полной его незащитности и бесправности. Почти так же, но более кратко, этот термин определен в «Этимологическом словаре осетинского языка» одного из крупнейших кавказоведов-лингвистов, В. И. Абаева: «беглец, совершивший какой-то проступок». Такое значение слова «абрек» имело не всегда. Интересно проследить основные периоды его многовековой одиссеи, установленные современными лингвистами и этнографами. «Абрек» и «казак» стоят близко по смыслу.

Считается, что сам термин восходит к иранскому слову «бродяга, грабитель» (ср.-перс. *арагак, ср.: ново-перс. авага «бродяга»). Из иранского через тюркский уже в древности он попал в кавказские языки. В некоторых из них, как, например, в аварском, он сохранил свою изначальную форму (аварск. апарар). В Нагорном Дагестане и Чечне XVI–XVIII вв. апарагами называли свободных переселенцев, занимавших в сельской общине промежуточное положение между полноправными общинниками и рабами.

Аварская пословица гласит: «Дом пришельца — на краю селения». Среди апарагов было немало кровников, бежавших из родных мест из-за совершенного ими убийства.

У горцев Северо-Западного Кавказа этот термин, звучавший здесь как «абрег» (ср. кабард. абредж, карач. «абирек», или джаппаракъ, абхаз, и абаз. абрагъ, осет. абырэг, мегрел, и сван, абраги), означал изгнанного из общества за проступок или преступление князя или дворянина. Важно отметить, что ни в одном из этих случаев абрег/апараг еще не относился к бездомному бродяге, вынужденному жить разбоем. Адыгские и карачаевские князья-абреки могли найти убежище у своих вассалов-дворян либо укрыться в России или в Крыму. Дагестанские апараги были надежно защищены от преследований кровников общиной и кланом-тухумом своих хозяев, у которых они поселились на чужбине.

В русский язык слово «абрек» попало из тюркских языков в эпоху Кавказской войны XIX в. Причем к этому времени оно означало уже не столько «беглеца» и «изгоя», сколько «разбойника». Термин этот служил синонимом любого «немирного горца». С такой негативной коннотацией он впервые встречается в изданном в 1863 г. толковом словаре Толя. Столь же черными красками рисует абреков словарь Даля, куда этот термин вошел со второго издания, опубликованного в 1880 г.: «Абрэк — отчаянный горец, давший срочный обет или зарок не щадить головы своей и драться неистово; также беглец, приставший для грабежа к первой шайке». К этому времени слово «абрек» приобрело подобное значение и в кавказских языках.

К началу XX в. значение термина опять, но уже не так сильно меняется. Он приобретает смысл «благородный разбойник из кавказских горцев». Именно так определил его генерал-майор Б. Полозов, перед революцией служивший в жандармерии Елисаветпольской губернии (сейчас Северный Азербайджан) и сам боровшийся с абреками. Не скрывая уважения к своим бывшим противникам, он писал: «Часть разбойничьего люда... на Северном Кавказе называют абреками, а на юге, в Закавказье, кочахами (ср. азерб. касак — «беженец»), т. е. беглецами. Абреки или кочахи ничего почти общего с русскими разбойниками, в первую очередь ворами и грабителями, не имеют. Правда, все они также находились под угрозой Сахалина или даже виселицы, а многие уже побывали на каторге и с сказочными приключениями бежали, после мытарств по тайге и России, добрались до Кавказа и вступили в шайку какого-нибудь знаменитого харамбаши (здесь — атамана) и таким образом переходили на нелегальное, но свободное житье в лесных и горных дебрях седого Кавказа. На каторгу эти натуры попадали главным образом, около 80 процентов, за убийство по старинному азиатскому обычаю кровной мести «канлы».

Последние изменения в нюансах толкования абречества произошли в советское время. Под влиянием официальной советской пропаганды этот термин предельно идеологизируется. В него вкладывается значение «участник антиколониального/антигосударственного движения против Рос-

сии/СССР». Например, в толковом словаре русского языка Ожегова абрек определяется следующим образом: «в период присоединения Кавказа к России: горец, участвовавший в борьбе против царской администрации и русских войск». Далее БСЭ отмечала, что «после революции 1917 г. абречество выродилось в обычный уголовный бандитизм». Примерно в таком же значении термин абрек вошел во все советские словари и энциклопедии.

Вместе с тем при Советской власти абречество продолжало поэтизироваться. Грузинский писатель Чабуа Амирэджиби создал образ благородного кавказского разбойника на основе сведений о реальном абреке — Дата Туташиа. В 1977 г. по его роману был поставлен художественный фильм «Берега», прославивший Дата Туташиа по всему Союзу. Можно упомянуть также роман К. Гатуева о Зелимхане Гушмазукаеве, абреке, разбойничавшем накануне революции в Чечне, Дагестане и Ставрополье, рассказы Фазиля Искандера об абхазских бандитах, реально действовавших в 60–70-е гг. XX в. Причем если Гатуев и Амирэджиби просто идеализировали абреков, то Искандер, беспристрастно описавший «человека-зверя», абрека Уту Берулава, тем не менее, опозитизировал абречество. Недаром в романе его герой помог восстановить справедливость, попорченную коррумпированной грузинской милицией. И донныне слово «абрек» имеет значение «благородный разбойник с Кавказа». Новая волна популяризации абречества среди северокавказского населения связана, прежде всего, с сепаратистским конфликтом в Чеченской Республике. Помимо всех прочих негативных последствий двух военных кампаний произошла романтизация образа чеченского боевика как борца за свободу Кавказа, которая зафиксирована во множестве появившихся в этот период песен и легенд, считающихся народными, в публикациях региональных СМИ, сепаратистских сайтах в Интернете.

Постепенное изменение семантики термина «абрек» на Кавказе XIX–XX вв. и приобретение им своего современного значения произошло в силу перемен, произошедших за это время в условиях жизни горцев. Мы разберем эту метаморфозу ниже. Здесь же будут рассмотрены те социальные институты, из которых вырос профессиональный разбой на российском и советском Кавказе. Ведь современное абречество возникло не на пустом месте, и без соответствующих предпосылок никакие государственные преобразования не могли бы вызвать его к жизни.

Мужские союзы и культ воина-джигита

▪ Какие же институты и представления лежат в основе современного абречества? Это военные дружины горской молодежи и культ воина-джигита. Обратимся сначала к первому. Как известно, вплоть до включения Северного Кавказа в состав Российского государства в XIX в. военные силы мелких политических образований — сельских общин, их союзов и ханств,

— формировались по принципу всенародного ополчения. В основе таких военных отрядов были союзы неженатой молодежи горцев (арабск. займете, ихтилат, кубач. батирте, рутул. сехбат, цез. сидар бахIру и проч.), детально изученные дореволюционными и советскими этнографами. Юноши проводили зиму в большом общем доме-крепости (аварск. гьоркьо рукь, кубач. гулала-хъали), посвящая свой досуг военным и спортивным упражнениям, и пирам. Дома эти обычно принадлежали отдельным тухумам. Единичные постройки такого рода сохранились до наших дней, например, Басхан-хъала (багв. «Басханова крепость») в багвалинском с. Кванада в Нагорном Дагестане.

Как союзы молодежи, так и сельские ополчения (араб, аскар; авар, бо, дарг. хуребо, багв. кьокъаби), куда кроме них входило все дееспособное мужское население сельских кланов, не были ни профессиональными воинами, ни тем более разбойниками. Косвенно на это указывает тот факт, что ополчения союзов сельских общин и отдельных ханств могли насчитывать до нескольких десятков тысяч человек. Так, в знаменитом «Завещании Андуника», документе XV в., перечисляющем владения аварского нуцала, говорится: «В области Дагестан двести десять тысяч мужей (т.е. воинов-ополченцев. — В. Б.), в том числе шестьдесят тысяч в Табасаране, тридцать тысяч у Кайтага, сто тысяч мужей в войске (аскар) падишаха Газикумухского, двадцать тысяч в войске нуцала Аварского...» Когда в апреле — мае сходили снега, ополчение одной или нескольких общин могло совершать набеги на соседей.

В свою очередь, ополченцы должны были защищать общину от внешнего вторжения. По местным преданиям, кубачинские батирте обороняли село от полчищ иранского завоевателя XVIII в. Надир-шаха, а хевсурское ополчение с. Шаитли, засев в башнях селения, отбилося от осаждавших аул войск Шамиля. Тухумы Дай-итилал и Угузилал из Хунзаха покрыли себя славой в освободительной борьбе народа против нашествия Надир-шаха на Дагестан в 1747 г.

Следует отметить, что тухум как воинское подразделение выступал только в общевоинских ополчениях. Обычно же для набега или отражения нападения неприятеля набирались добровольцы со всей сельской общины. Такие отряды (аварск. кьапила) разбивались на «десятки» и «сотни». Кроме военных обязанностей ополчения сельской молодежи регулярно выполняли некоторые сельскохозяйственные (очистка полей от камней, косьба и проч.) и строительные работы.

Во главе военных сил горцев в независимых сельских общинах Дагестана и Чечни стояли выборные предводители. Называли их по-разному: хан, шах, (аварск) цевехъан, (кубач) бикт-халел. У адыгов до середины XVIII в. их роль играли князья-пши, реже дворяне-уздени. Как уже отмечалось, важнейшей традиционной прерогативой князя было право объявления войны и мира, созыва дворянского ополчения и организация военных походов. Причем уже упоминавшиеся выше набеги-зекве носили в основ-

ном не нападательный, а оборонительный характер. Должность князя отнюдь не являлась синекурой. Пши не только предводительствовали войсками, но и первыми шли в бой, показывая на личном примере образцы доблести и рыцарского отношения к своему долгу.

Важно отметить, что у большинства кавказских горцев — народов Дагестана, вайнахов, адыгов и осетин — не существовало жестких сословных рамок. «Быть удалцом в горах, — отмечал Н. Берзенов, — значит быть аристократом». Участие в войне, тем более руководство походом, давало возможность достичь почета и власти. Образцом для подражания каждого мужчины-горца был выработавшийся веками образ удалца-джигита (ср.: чеч., ингуш. *клант*). Некоторые из отличившихся на поле брани джигитов сосредоточивали в своих руках огромную, хотя и временную, власть. Известны случаи, когда они подчиняли себе свои сельские общины, становясь их наследными правителями. По данным Л. Б. Панек, рутульские беки XVI–XIX вв. из Южного Дагестана вели свой род (тухум) от бывших предводителей набегов. Стевен, наблюдавший в начале XIX в. одно из чеченских обществ, отмечал, что предводителей своих выбирают они из семейства, которое в течение веков давало им всегда отличных военачальников и потому у них в большом почтении. Нередко случалось, что община физически истребляла слишком возвысившихся военных предводителей. Другие общества то призывали, то изгоняли потомков своих военных предводителей — беков и чанков. По мнению дагестанского историка Р. М. Магомедова, обычай постоянной смены воинов в отрядах мешал появлению в обществах Нагорного Дагестана, Чечни и Ингушетии военного сословия, могущего захватить власть.

Все рассмотренные выше элементы традиционной культуры насилия — мужские союзы и культ воина-джигита — помогали небольшим общинам горцев выживать в условиях постоянных междоусобиц и завоеваний с севера и юга. Несмотря на постоянные и жестокие насилия, они не позволяли горскому обществу низойти до состояния анархии. Как и повсюду, в нем, конечно, были свои разбойники. Некоторые из них, например аварский Хочбар, по преданиям живший в начале XVIII в., стали даже героями народных песен и героических сказаний. Но, как показывают исследования историков и этнографов, профессиональный бандитизм рассматривался в нем как нечто антисоциальное, из ряда вон выходящее.

Отношение горцев к разбою было двойственным. С одной стороны, им восхищались юноши, для которых набеги были средством добыть славу и почет настоящего джигита. Одна из чеченских песен XIX в. о героях набега кончается пожеланием: «Да родятся у каждой матери подобные сыны». С другой стороны, в горском фольклоре есть также немало выпадов против набегов и их участников. Такой характер, в частности, носят песни о разорении горных селений войсками иранского завоевателя XVIII в. Надиршаха, до сих пор широко распространенные в дагестанском фольклоре. С явным осуждением говорит о набегах плач о разорении отрядом Шамиля

с. Чох, записанный современным дагестанским историком П. И. Тахнаевой. Песня кончается пожеланием участникам набега, павшим под Чохом, вечно гореть в аду. Подобные песни записаны у рутульцев и других народов Дагестана.

Военные реформы XIX в. и зарождение абречества

▪ Мужские союзы сильно изменились в XIX в. Сельское ополчение, прежде опиравшееся на союзы неженатой молодежи, был полностью реорганизовано уже при Шамиле. На территории имамата мобилизации подлежали все боеспособные мужчины от 15 до 50 лет. Во главе отрядов ополченцев были поставлены заместители имама — наибы и младшие командиры из числа его мюридов. Они должны были заботиться о том, чтобы все ополченцы имели определенное количество амуниции и провизии и чтобы их оружие и одежда отвечали требованиям. Те, которые могли позволить себе достать лошадей, должны были сражаться на лошадях. С конца 30-х гг. XIX в. Шамиль начал создание регулярного войска горцев на основе рекрутской повинности. Каждые 10 дворов должны были выставить одного вооруженного всадника. Эти всадники, называемые муртазиками (арабск. «наемник»), освобождались от сельских работ и всецело посвящали себя военной службе. Конницей командовали наибы. Кроме того, в середине 40-х гг. Шамиль организовал регулярный отряд пехоты, низам, находившийся под его непосредственным командованием.

После разгрома имамата и установления российской власти на всем Северном Кавказе горские ополчения были окончательно распущены. Мужские союзы сохранились, но были лишены своих основных военных функций. Дагестанский этнограф А. Г. Булатова выявила следующие свидетельства их упадка. Во-первых, что во 2-й половине XIX в. мужские союзы уже не охватывали всех поголовно молодых людей селения. Их возрастные рамки расширились. Кроме неженатых, юношей с 15 лет сюда стали входить женатые мужчины до 40–50-летнего возраста. В расширении возрастных рамок союзов, возможно, сказались военные реформы Шамиля. Во-вторых, к советскому времени военные дружины горской молодежи выродились в своего рода мужские клубы. Всю зиму они посвящали теперь только пирам и развлечениям. Военные предводители горцев оказались не у дел. Они встали перед выбором: либо поступить на русскую службу в горскую милицию, либо быть объявленными вне закона как преступники и злодеи.

Несмотря на военное поражение, какое-то время «немирные горцы» продолжали укрываться на землях уже покоренных Россией народов благодаря своим кунакам. Это вызывало недовольство российских властей. Чтобы контролировать перемещения гостей-кунаков по российскому Кавказу, еще в конце XVIII в. тут была введена «билетная» система. Въезд в Кавказскую линию, ограждавшую российские земли, а также выезд за ее

пределы производился по «билетам» — письменному разрешению, своего рода паспорту, выданному российскими военными властями. Еще в 1793 г. было воспрещено кабардинцам отлучаться за границы России без дозволения главного воинского начальника в крае, укрывать преступников под видом гостеприимства. В 1-й половине XIX в. билетный режим лишь укреплялся. В 1831 г. военное начальство попыталось ограничить ношение оружия горцами. В Кабарде было обнародовано обращение, чтобы никто из кабардинцев вооруженный, ни пеший не ходил, ни на лошадях не ездил, а особливо, где бывают русские... если кто в лесу найдется вооруженный и встретится с русским, тот признаваем будет за хищника и убит как злодей.

Горцам запрещалось принимать «безбилетных» кунаков. Поощрялось доносительство на тех, кто принимал «немирных горцев» или участников набегов. В предписании Кабардинскому временному суду от 1847 г. указывалось: «Если окажется, что кто-либо из кабардинцев будет держать у себя в гостях прибывших из-за Кубани, из-за Терека и из назрановцев (имеются в виду ингуши), который не явился к русскому начальству или не имеет билета, то подвергнется штрафованию по усмотрению вины его; а если будет передерживать подозрительных людей, абреков, то подвергнется строгому по законам русским взысканию». Столь же строгая билетно-паспортная система по мере завоевания была распространена и на другие районы Северного Кавказа. Паспортный режим для горцев смягчился только к началу XX в.

Военные и судебно-административные преобразования на дореволюционном Северном Кавказе помогли властям «замирить» горцев и стабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в регионе. Но в то же время они парадоксальным образом подготовили почву для появления абречества. Наряду с кровной мстью оно стало настоящим бичом Северного Кавказа. Абречество представляло собой профессиональный разбой нового типа, характерный для посттрадиционного общества, однако воспринималось самими горцами, политиками и учеными как продолжение удализма или местных джигитов.

По верному замечанию В. Х. Кажарова, российское правительство превратило прежних военных лидеров горцев в абреков-изгоев по отношению к России, объявив их вне закона и лишив права убежища.

Таким образом, с одной стороны, деклассированные князья и военные предводители сельских ополчений постепенно превращались в профессиональных разбойников-абреков, какими их и считали российские власти. Из этого слоя вышли многие знаменитые абреки первой половины прошлого века. Это были такие известные «наездники» (т. е. участники набегов-зекве), как кабардинский князь Тау-Султан Атажукин. Из князей и беков, лишенных российскими властями своего прежнего достоинства, вышли знаменитые абреки, некоторые из которых, вроде Даниял-бека султана Елисуйского, Хаджи-Мурата Аварского и Мухаммеда Анзорова из Кабарды, занимали видные посты в имамате Шамиля.

С другой стороны, возникла среда, благожелательно к ним настроенная, при негласной поддержке которой абреки могли долго продолжать свои набеги и грабежи. О поддержке абреков горцами говорят многочисленные случаи укрывательства «немирных» кунаков на Северном Кавказе XIX в., отмеченные архивными документами. Так, в 1853 г. в рапорте начальнику Центра Кавказской линии ген.-майор Грамотин указывал, что в Кабарду и другие подведомственные ему племена Центра Кавказской линии часто и много приезжают из разных мест по своим делам люди, из коих нельзя положиться на благонамеренность каждого и о прибытии которых не только сам он, но часто приставы и экзекуторы не были извещены. Если же из-за доноса открывалось местопребывание абрека, нередко его хозяин скрывался вместе с ним за линией.

Сложившись как новое социальное явление в эпоху Кавказской войны, в течение двух последних веков абречество существует спорадически. В периоды усиления централизованного государства оно затухает; в случае его ослабления — вновь возрождается. В его развитии можно выделить несколько основных периодов. Это эпоха Кавказской войны и антироссийских восстаний, завершившаяся к 1870-м гг.; затем период между двумя русскими революциями начала XX в.; Гражданская война и ранний советский период 1920–40-х гг.; наконец, полная общественных потрясений постсоветская эпоха. От периода к периоду формы и значение культуры насилия на Кавказе порой существенно менялись. В этом разделе очерка будет рассказано о постепенном изменении характера кавказского абречества в основные периоды его существования.

На 1910-е гг. падает деятельность самых известных кавказских абреков. Характер абречества к этому времени сильно изменился. Область их действия сместилась к городам и крупным переселенческим аулам на равнине и в предгорьях. Укрывались же они по-прежнему в горах. Например, когда абрек Зелимхан Гушмазукаев ограбил 27 марта 1910 г. Кизлярское казначейство, то укрылся с деньгами в горной Чечне. Этим грабежом он отомстил бывшему атаману Кизлярского отдела Вербицкому за выступления против Зелимхана в газетах. В 1905–1913 гг. известный абрек Буба из лезгинского с. Икра в Южном Дагестане с отрядом из 20 человек на всем протяжении берега Каспийского моря от Баку до Петровска (современная Махачкала) обложили взносом соразмерно их операциям каждый рыбный промысел, крупных садовладельцев и богатых купцов г. Дербента. Благодаря поддержке местных жителей он мог за считанные дни довести свой отряд до 200 человек. Из городов он получал оружие и амуницию.

Основным методом борьбы российских властей с абречеством в это время, как и в эпоху Кавказской войны, были военные рейды и карательные экспедиции. Причем средство это было весьма дорогостоящим и не всегда эффективным. В 1908–1913 гг. власти Дагестанской и Терской областей вынуждены были держать в районах действия абреков, в частности в Кайтаго-Табасаранском и Темир-Хан-Шуринском округах, значительные

отряды регулярных войск и местной милиции. Наиболее видные абреки были, в конце концов, истреблены физически: Ших-Заде и Зелимхан Гушмазукаев погибли в боях с горской милицией, Буба Икринский и Саламбек Гараводжев из Сагопши сдались властям и по приговору военно-полевого суда были повешены (1913 г.). К началу Первой мировой войны Северный Кавказ вновь был замирен, но не надолго.

Следующий взлет абречества начался в годы Гражданской войны. Нагорный Дагестан и Чечня, Кабарда и Ставрополье стали ареной действий отрядов горцев разной политической окраски. Некоторые небольшие города, как Хасавюрт, были дотла разорены ими. В промежуток между двумя русскими революциями это движение успело политизироваться и идеологизироваться. Кроме «красных», с которыми они заключили союз как с врагами царской России, абреки сблизились с мусульманскими лидерами горцев. Большинство абреков, называвших себя «красными партизанами», сражались в 1918–1920 гг. на стороне шейха Али-Хаджи из даргинского с. Акуша и большевиков, а часть из них поддержала врагов Советской власти — аварских шейхов Узун Хаджи из с. Салта и Нажмутдина из с. Гоцо (Гоцинского). В Кабарде в это время действовал отряд узденя Кургоко Шипшева, вместе со своими родственниками по материнской линии карачаевскими узденями Каракетовыми-Запишевыми боровшийся с сторонниками Советской власти в крае.

Для борьбы с контрреволюцией в 1922 г. Дагестан и некоторые районы Чечни были объявлены на военном положении. Было начато формирование отрядов сельской милиции и частей особого назначения (ЧОН). Чтобы подорвать её корни, власти провели в сентябре 1926 г. разоружение горцев. Силами сельских коммунистов, милиции и ЧОН только в одном Дагестане было изъято 60 тыс. единиц оружия военного образца. Причем бывшие красные партизаны получили право сохранить винтовки и револьверы. Такого зарегистрированного у них при разоружении оружия насчитывалось 15 тыс. единиц. У остального населения было оставлено только холодное оружие — шашки и кинжалы. Окончательное разоружение горцев было проведено в 1944–1946 гг. С 1990-х гг. абреками именуют себя участники боевых отрядов сепаратистов на территории Северного Кавказа.